

О той войне мы слышали из уст отцов

отрывок из мемуаров «Вот и все...я пишу вам с вокзала»

*посвящается Халикову Р.М.,
моему другу, однокласснику*

В февральские дни 2013 года Россия отмечала две важные даты в истории далекой Великой Отечественной Войны – 70-летие разгрома и пленения армии фельдмаршала Фридриха фон Паулюса под Сталинградом и освобождения Ростова. Масштабы сражений на Волге и сегодня, через столько лет, поражают воображение – в сталинградском котле противостояли друг другу два миллиона солдат! Большинство из них, с той и другой стороны, полегло в приволжских степях или утонуло в Волге.

Вечная память советским солдатам и офицерам, переломившим ход самой жесточайшей войны в истории человечества, открывшим путь к победе, к взметнувшемуся знамени на поверженном Рейхстаге!

Как прекрасно, что в трудные для России постсоветские годы еще живут среди нас солдаты, вернувшиеся с войны с победой, спасшие мир от фашизма. Сегодня героям той войны за девяносто, они стары, немощны, но в дни чествования их Победы, особенно на приеме в Кремле, держались молодцами, победителями. В лице ветеранов мы видели живую историю некогда великой державы. Храни вас Всевышний! Пока вы живы - вы напоминаете нам о величии Отечества, о силе его народа, о героизме его солдат.

В последние годы не только наши враги за границей стали умалять нашу победу, присваивать себе чужие успехи, занижать наш вклад в освобождение Европы, который дался нам ценой 27 миллионов жизней, но и дома нашлись писаки, историки, не нюхавшие пороха войны, которые подвергают сомнению наши победы, наш вклад в разгром фашизма. К сожалению, все заметные фильмы о той войне, основные документы о доблестной победе, воспоминания маршалов, генералов, адмиралов, офицеров, солдат, матросов, партизан, героев тыла показывались и публиковались давно, с конца 50-х годов до середины 80-х двадцатого века. Эти книги вышли миллионными тиражами в другой стране, знавшей и чтившей Победу своей армии. Десятки поколений школьников в СССР выросли на этих книгах и фильмах, история войны была отражена в полном объеме в учебниках. Страна от мала до велика

знала своих генералов и солдат, отличившихся на полях сражений. Всевозможная грязь по поводу той войны и нашей победы хлынула с экранов телевизоров и со страниц книг, газет с невиданной мощью и злобой лишь с развалом СССР.

Тогда же все предатели и изменники родины, такие как Резун-Суворов, получили возможность издать свои грязные домыслы о той войне миллионными тиражами. На одной из встреч с читателями меня спросили, наверное, пытаюсь втянуть в дискуссию – как я оцениваю неожиданный взгляд на нашу историю писателя-перебежчика бывшего сотрудника КГБ Суворова? Я ответил так, как отвечал уже десятки раз на подобные вопросы: «Я принципиально не читаю опусы предателей и изменников, и вам не советую».

Во время трансляции приема в Кремле в честь участников Сталинградской битвы я невольно вспомнил трогательный кадр почти двадцатилетней давности, снятый на одном из военных парадов в Париже. На нем - впереди колонн знаменосцев и марширующих бравых солдат в беретах катили скромную инвалидную коляску, в которой сидел глубокий старик, одетый в военную форму 1914 года, ему явно было больше ста лет. Какими громоподобными овациями встретили собравшиеся на параде люди сообщение о том, что этот пехотинец – последний солдат Первой мировой войны. Да, такой исторический момент для них наступил, и французы успели отдать почести последнему воину той далекой войны, больно ударившей по Франции.

Глядя на гостей в Кремле, я с горечью думал: вот и наши фронтовики убывают не только с каждым днем, но и с каждым часом. Мою печальную мысль подтвердил диктор, сказав, что на прием в Кремль были приглашены все 47 последних защитников Ростова, но за два дня до поездки в столицу четверо из них ушли из жизни. Жаль, не дожили они до приема в Кремле, нечасто баловала и чествовала их власть, мы это знаем по ежедневным теленовостям.

Надо признать, что в новой России ветераны войны, как и многие достойные люди, выпали из общественной жизни. Про них вспоминают только по круглым датам, особенно тогда, когда властям требуется народная поддержка, и ветераны войны нужны как незаменимый выигрышный фон. Не гламурных же хозяев нынешней жизни: популярных адвокатов, вороватых банкиров, депутатов, продающих собственные мандаты за семь с половиной миллионов евро или заживревших и ошалевших от взяток чиновников за столы Победы звать? Хотя, кто знает - если страна будет шагать нынешним курсом, то на 80-летие или 85-летие Сталинградской битвы эти персоны и окажутся главными гостями власти.

Я давно уже не видел передач и не читал очерков о войне, рассказанных самими участниками боев, их незаметно заменили штатными специалистами, не нюхавшими пороха, не знающих, что

такое артобстрелы или бомбардировки с воздуха. Да и сами ветераны, не раз оболганные и по радио, и по телевидению, не говоря уже о газетах, нынче не особенно рвутся поделиться своими воспоминаниями и своей болью, потому что демократы и либералы, сплошь оккупировавшие СМИ, ждут от них другой оценки войны. Только на их встречах в школах с детьми и можно было узнать много интересного, поучительного от ветеранов. А сегодня, может, кто-то и готов искренне их выслушать, но девяносто лет есть девяносто - и память не та, и осторожность очевидна, даже в выступлениях бывших героев, слишком много крутых поворотов случалось в долгой жизни ветеранов. «Теперь наше благополучие только на пенсии и завязано», - как признался мне еще лет 15 назад один ветеран-орденоносец.

Нам, детям фронтовиков, повезло больше, войну мы знаем из уст своих отцов. Но и нам, детям войны, как мне, например – 72 года. Я родился 17 ноября 1941 года, а мой отец Мирсаид, танкист-водитель, заживо сгорел в танке в декабре 1941 года под Москвой, на Волоколамском шоссе. Спасибо советской почте, которая в войну работала в чрезвычайном режиме - отец успел получить письмо от матери с сообщением, что у него родился сын, и успел ответить на это письмо. Фронтвой треугольник до сих пор хранится в нашей семье. А в наши мирные дни 21 века письмо из Москвы в Оренбург идет двадцать дней, а внутри Москвы неделю! Пушкинские письма из Оренбурга ямщики, на перекладных, доставляли в Москву за пять дней, это исторический факт. Эй, вы там, наверху, в электронный век уступаете ямщикам – позор, да и только!

После войны моя мама с двумя детьми вышла замуж за фронтовика-односельчанина, очень достойного человека, прошедшего и финскую кампанию, и расписавшегося в Берлине на Рейхстаге. С первых дней призыва он был определен на краткосрочные курсы разведшколы и оттуда направлен на передовую. Все пять лет войны он служил в зафронтвой разведке, а это значит - всегда воевал на вражеской территории. Обеспечивал своей постоянно менявшейся из-за потерь разведгруппе связь. Разведгруппу от своих войск всегда отделяла нейтральная полоса, она могла быть глубиной и в пятьсот метров, и в два-три километра. Ходили они на особые задания всегда в немецкой экипировке, с немецким вооружением. В немецких бычьих ранцах, все вплоть до сигарет, губных гармошек, писем – все было немецкое, настоящее, и это не раз спасало наших разведчиков.

Отчим, вернувшись с войны, свободно говорил по-немецки с сосланными в Мартук немцами Поволжья. Не часто, но в нашей землянке собирались фронтовики и, конечно, на этих встречах всегда заходил разговор о войне. Атаки, артобстрелы, бомбежки еще снились им по ночам, я слышал несколько раз, как отчим кричал во

сне по-немецки: «Стреляй же! Стреляй!!!». Нам повезло, я и мое поколение застало фронтовиков молодыми, совсем молодыми, некоторым из них было и по 23, и по 25 лет. Помню офицера, щеголя Алексея Тумбаева, друга моего отчима, ему на день Победы 47-го или 48-го года исполнилось 25 лет. Собрались у нас в честь дня Победы, а день рождения Алексея всплыл случайно. Я, шести-семилетний мальчишка, конечно, в такие дни крутился возле стола, боясь пропустить хоть одно слово вчерашних солдат о войне. Как я им завидовал, как хотелось быстрее стать взрослым, пойти служить в армию и быть готовым защищать Отечество. Имел я задание и от соседских мальчишек – они просили меня запоминать все истории, рассказанные за столом, а вечером у кого-нибудь в палисаднике или на завалинке обязательно пересказать им. Так что, к устному творчеству я приобщился рано, судя по тому, как меня ждали и слушали, я их надежды оправдывал.

Я посвятил отчиму повесть «Не забывают нас», ту самую, что собирались опубликовать в начале 80-х в журнале «Наш современник» у Сергея Васильевича Викулова, который очень душевно относился ко мне. В моем музее в Мартуке есть две его книги с теплыми напутствиями меня в литературу и верой в мой талант. Пользуясь случаем, хочу сказать, что незаслуженно забытый Сергей Викулов, поэт фронтового поколения, участник Великой отечественной войны, раньше других обратил внимание на тот самый «русский вопрос», который сегодня, сорок лет спустя, стал огромной «русской проблемой». На этой почве он нажил себе множество врагов и недоброжелателей и среди коллег, и в верховной власти, но только благодаря ему сформировалась в те годы мощная деревенская проза, утвердились «почвенники», «державники», «патриоты».

Благодаря С.В.Викулову и его журналу состоялись крупные русские писатели и поэты: В.Распутин, В.Белов, В.Личутин, Б.Можаев, Г.Троепольский, П.Краснов, В.Соколов, С.Орлов, Ю.Кузнецов и другие. С.Викулов имел импозантную внешность - высокий, с прямой осанкой, по-офицерски подтянутый, элегантный и в манерах, и в костюме, он был сдержанным и в поведении. Наверное, если бы С.Викулов снимался в кино, то роль аристократа ему была бы обеспечена без кастингов, но его невозможно представить артистом. Редкой цельности был человек. В моем сердце С.Викулов остался навсегда. Я не держал и не держу на вас зла, дорогой Сергей Васильевич, за то, что не вышла у вас моя объявленная к печати повесть. Я знаю всех тех, кто перекрыл мне дорогу в ваш журнал, я уже упоминал об этом в мемуарах, когда писал о Сергее Поликарпове.

Но вернемся ненадолго к повести. У повести счастливая судьба, она издавалась раз тридцать, переводилась, есть у меня и

книга с таким названием. Если кто хочет прочитать ее, можно скачать с моего сайта www.mrgaul.ru С оформлением этой книги случилась необычная история. Художник на обложке изобразил мою маму за столом у самовара, чуть сзади нее, на втором плане - отчима, а я сам стою в сторонке у карагача, посаженного мною в 1952 году. Почти мистическое сходство - и двор наш, и дерево, и даже заварочный чайник, расписанный розами, на самоваре с деревянными ручками - словно из родного дома, и родители, как живые! Такое никогда не забудешь и ни с чем не спутаешь! Когда я скучаю по отчому дому или вспоминаю давно ушедших родителей и сестру, я беру в руки не фотоальбом, а эту книгу, где на обложке я навечно запечатлен с отцом и матерью в летний день.

Какие-то фрагменты о войне, рассказанные отчимом, встречаются в моих ранних рассказах. Когда я вступал в литературу, большинство моих старших товарищей были участниками войны: и Мустай Карим, и его лучший друг Муса Гали, и недавно умерший классик татарской литературы Амирхан Еники, которого я очень любил и дал его имя главному герою своей тетралогии «Черная Знать». Многие из них на вечерних посиделках в Домах творчества всегда рассказывали о войне.

Прекрасным рассказчиком остался в памяти Мустай Карим, обладавший чувством юмора. Он прошел долгий боевой путь, от него я слышал несколько потрясающих историй, без всякой шлифовки годившихся для любого привередливого журнала, но ни одна из них не вошла в его книги, не публиковалась. Много рассказывал о войне и Муса Гали, восемнадцатилетним, худеньким, как стебелек, мальчишкой, попавшим сразу на передовую против немецких танков. С первого дня на войне до самой победы он ни на день не расставался с двадцатикилограммовым противотанковым ружьем, видел в первые дни боев, как за потерю винтовки расстреливали перед строем. С противотанковым ружьем на плоту он и форсировал высокий берег Днепра, считавшийся немецким Генштабом неприступным, потому что на десятки километров он был укреплен бетонными дотами и дзотами, везде были залиты в бетон мощнейшие артиллерийские орудия. Муса Гали говорил мне, что ему до сих пор снится красный от крови Днепр, но у него тоже мало строк о войне.

Наверное, я мог бы напечатать истории, услышанные от них и от Амирхана Еники, прошедшего войну в артиллерийском обозе. Обозники прошагали пешком через всю Европу, доставляя на передовую в любую погоду: дождь, снег, слякоть, холод, под бомбежками – тяжеленные, многотонные, неуклюжие артиллерийские орудия и сотни ящиков со снарядами на упряжках из десяти-пятнадцати лошадей. Амирхан Еники говорил, что ни в одном фильме нет достоверных сцен транспортировки огромных

орудий на передовую – это нельзя сыграть даже в мирное время. Никто не согласится ни за какие деньги повторить этот труд, потому что обязательно кого-нибудь придавит на погрузке или на разгрузке, или лошади понесут, скидывая многотонную гаубицу прямо на солдат. «У нас, - говорил он, - под колесами и станинами падающих на бездорожья орудий и под копытами обезумевших от артиллерийских снарядов и взрывов лошадей обозников погибло больше, чем от вражеских пуль.»

Но я сам не видел красный от крови Днепр, не слышал безумный храп потерявших рассудок лошадей, которые не могут вырваться из упряжки, и многотонный лафет с орудием тянет их в овраг, в болото, а рядом мечутся обозники, пытающиеся руками, своими телами удержать пушку, за потерю которой можно попасть под трибунал, стараются спасти хотя бы обреченных на гибель лошадей. А без этих ощущений, без этих преодоленных страхов невозможно написать - какова война, каков человек на войне, где каждый день, каждый час нужно преодолевать себя через «не могу».

Оттого лучшие книги о войне – это проза молодых лейтенантов, вернувшихся из пекла войны: Г.Бакланова, С.Бондарева, К.Воробьева, В.Быкова, В.Богомолова, В.Некрасова, Б.Васильева. Они успели написать свои главные книги, еще не расплескав всех ощущений войны, выпавших на их долю в молодые годы.

Но, на мой взгляд, каждый из фронтовиков может рассказать и нечто свое, только им увиденное или пережитое, пусть это будет лишь короткий эпизод - пятиминутный артобстрел, от которого не видно солнца, или жуткая бомбардировка с воздуха, когда кажется, что каждый снаряд метит только в тебя. После таких атак, бывает, погибают все или чудом спасаются тоже все – война играет без правил. Но и в аду войны мелькают счастливые случаи удачи. Вот о них-то чаще всего вспоминают вернувшиеся домой солдаты. Поэтому я всегда внимательно прислушивался к тем, кто рассказывал о войне, каждая солдатская исповедь имела личную печать рассказчика. На всех историях, малых и больших, общественно значимых и сугубо личных, стоит выжженное огнем войны тавро – проверено временем и подтверждено судьбой. И я решил обнародовать некоторые из них. Людей, рассказавших мне эти истории, уже давно нет, а я не хочу уносить память о них с собой, ведь мое время тоже заканчивается. А главное, сегодня мы как никогда нуждаемся в высоких примерах, пусть эти печатные строки напомнят о достойных людях.

Историю, которую хочу поведать вам первой, рассказал мне мой одноклассник Рахим Халиков, педагог, много лет бывший директором школы в родном мне Мартуке. Он служил в армии, после демобилизации поступил на дневное отделение

педагогического института в Самаре. Никакой материальной поддержки из дома он не имел, и его расчет изначально строился на стипендии и на каком-нибудь случайном заработке. Но мне повезло, - говорил он сам,- кто-то посоветовал ему устроиться работать дворником. Работу мой друг нашел подальше от института и общежития, в двадцать один год не хочется, чтобы девушки видели тебя с метлой. Все пять лет студент Р.Халиков вставал в пять утра и пешком добирался до своего участка, а в девять всегда приходил в институт. В первый же год его участок стал образцово-показательным в районе, и все последующие годы он уже не уступал первенство никому. Начальство его ценило, ему подняли на десять рублей зарплату, по праздникам иногда баловали премией. Да и жильцы к дворнику-студенту относились с пониманием, народ в ту пору еще не потерял уважения к труду. «Когда я увольнялся, - рассказывал он, - в ЖЭКе даже стол накрыли и на память часы «Полет», тонкие, модные, подарили. На крышке выгравировали: «Р.Халикову – за доблестный труд». Какой именно «труд», на радость выпускнику, сохранили в тайне. Часы я эти видел у него давно, а историю услышал лет десять назад. «Стеснялся», - сказал он мне, но это признание еще выше подняло его в моих глазах, хотя и без этой истории я знал, что мой друг прожил достойнейшую жизнь. Про таких раньше на Руси говорили – праведник.

Старшего Халикова, Мухаммада Гараевича, призвали на фронт в один день с моим отцом Мирсаидом, но в эшелоне на пути к Москве их пути разошлись. Мой отец, имевший до войны дело с техникой, сразу был отправлен к танкистам водителем, а Мухаммада Гараевича определили к минометчикам, где он очень скоро стал командиром минометных расчетов. В одном из боев 1942 года минометчики командира М.Халикова попали под сильнейший артобстрел, а затем сразу же налетели тяжелые бомбардировщики, и последовала жестокая атака с воздуха. Немцы снаряды и бомбы не жалели, минометные расчеты офицера М.Халикова стояли костью в горле фашистов, мешали продвижению танков к Москве. Когда самолеты, отбомбившись, развернулись на аэродромы базирования, Халиков обнаружил, что в живых из его расчетов остались только двое - он сам и тяжелораненый подносчик снарядов по имени Иван из Оренбурга. Позади, в метрах пятидесяти, находились траншеи пехотинцев, туда и поволок командир своего раненого солдата. Пехотинцам тоже не повезло, две бомбы угодили прямо в траншеи и небольшой блиндаж, где находились рация и офицеры, в живых осталось пятеро, двое из них - тяжелораненые. Прошли почти сутки, никто не шел к ним на помощь.

Не было еды, кухню пехотинцев разнесло ударной волной, кончилась вода, раненым срочно требовалась медицинская помощь. Оставшиеся в живых пехотинцы держались кучно, вместе со своими

ранеными, а Халиков с истекающим кровью подносчиком снарядов остался там, куда он сумел дотащить на шинели раненого Ивана. Глядя на раненого солдата, Халиков понимал, что Иван вряд ли выживет, если в ближайшие часы не попадет в госпиталь. Но, судя по всему, на помощь им рассчитывать не приходилось, куда ни глянь - выжженная земля, двух-трехметровой глубины воронки от тяжелых авиабомб. Иван вдруг стал просить командира: «Дядя Миша, принеси мне печени, я так хочу напоследок печени...». Вчера до бомбежки они видели на нейтральной полосе убитую лошадь. «Я не мог отказать в последней просьбе умирающему товарищу», - рассказывал Мухаммад Гараевич со слезами на глазах своему сыну.

Едва-едва стало светать, он пополз к убитой лошади. Стояла предрассветная тишина, даже немцы не стреляли. И лишь когда Халиков близко подполз к лошади, понял почему. С другой стороны лошади он увидел немца, вырезавшего кусок мяса. Увидев Халикова, немец испугался и, заикаясь, прошептал: «Руссиш ниht шиссен, майн брудер ист кранк». Что означало – русский, не стреляй, у меня болен брат. Для всех немцев наши солдаты были русскими. Но не обращение удивило отца моего друга, а сама ситуация – у немца умирал брат, а него - фронтовой друг. Ничего не ответил Халиков и трясущимися от волнения руками стал вырезать печень для Ивана. К сожалению, когда командир вернулся в траншею, Иван уже умер. Печенкой Халиков поделился с пехотинцами, но о немце не сказал ни слова. На другой день на этом участке фронта наши пошли в наступление, и Халиков, похоронив Ивана, вернулся в часть, где узнал, что их с Иваном уже зачислили в списки без вести пропавших. Эту историю Мухамат Гараевич не рассказывал сыну сорок лет, а поведал лишь незадолго до смерти.

Вторую историю мне рассказал в Переделкино, в Доме творчества, башкирский писатель Габдулла Байбуурин в последние месяцы существования СССР. Я в то время, после покушения на меня в Ташкенте, вместе с супругой Ириной Варламовой уже больше года жил постоянно, на коммерческой основе, в комнате №106 нового краснокирпичного корпуса, не предполагая, что проживу в этой комнате еще семь лет, пока не куплю себе квартиру в Москве. Странное время - у одних была нескрываемая эйфория от грядущих перемен, других обуревало чувство тревоги и страха за будущее страны, за собственную жизнь в нарождавшемся хаосе. Третьи занимали выжидательную позицию: до обеда за «красных», к вечеру за «белых», в обед пытались предстать нейтральными. Вот эти-то, третьи, сильнее других чувствовали, что перемены неизбежны, система при любом раскладе изменится. Но того, что власть рухнет так легко, разбежится без залпа «Авроры», начнет публично добровольно сжигать партбилеты перед телезрителями, мало кто

ожидал. Какие острейшие дебаты, не чета «Поединку» В.Соловьева на телевидении, случались каждый день у единственного телевизора в холле во время выпуска вечерних новостей – не высказать!

Никакому драматургу не передать накала страстей тех лет, царивших в Домах творчества. Конечно, «прорабов перестройки» у телевизора оказывалось всегда больше, но это не значит, что они не терпели поражений от меньшинства. Очень часто идейные противостояния, точнее не скажешь, могли перейти в рукопашную, но тут на высоте были те самые третьи силы, они пытались оказать услуги и «красным», и «белым», на всякий случай. Дальновидные люди! Сколько я нажил себе там врагов, только врагу и можно пожелать.

Удивительно, что либералы и демократы, желавшие распада СССР, в ту пору уже не таившиеся, сплошь были коммунистами. Выходило, что я, и дня не бывший в партии, отстаивал именно коммунистические завоевания, а если менее пафосно - ту социальную справедливость, которая, хоть и минимально, но присутствовала в нашем советском обществе. Каким-то обостренным нюхом, который проявляется лишь в экстремальных случаях, я чувствовал, что справедливость, в любых ее формах и проявлениях, навсегда уйдет из всей нашей жизни. А жизнь великой страны, лежавшей от океана до океана, скрепляла не идеология КПСС, а только та самая справедливость. Убери ее, и страна рухнет, погибнет. Разве мы не доказали это себе ценой развала своей страны своими руками, пойдя за «златоустами», обещавшими капиталистический рай?! Разве мы не клюнули в перестройку на обещания американцев дать нам, в случае изменения системы власти, 20 миллиардов долларов на развитие? Тогда эта сумма казалась нам астрономической, но мы не получили ни цента. Сегодня, в иной месяц, из России вывозится в Америку, тайно и явно, по 50 миллиардов долларов. Повторю – в месяц! Масштабы обмана, разграбления чудовищны, они угрожают самому существованию России.

Наверное, мое прозрение не родилось на пустом месте, только из своего опыта жизни, а потому, что уже тогда, в 80-х, я прочитал почти всего запрещенного Александра Зиновьева, слушал на «вражьих голосах» его выступления, интервью. Живя на Западе, занимая достойное место среди западных интеллектуалов, не бедствуя, А.Зиновьев понял, что капитализм – тупиковый путь для России, для всего человечества, что он исчерпал себя, хотя по инерции еще процветал. Сегодня научное открытие А.Зиновьева – Запад в агонии, многие страны на грани распада и финансового кризиса – понятно каждому. Еще 30 лет назад наш опальный гений, не оцененный ни в СССР, ни в новой России, понял это и предостерегал нас не идти опрометчиво в капитализм. Не

послушали, не вняли. Никто не пророк в своем отечестве. Грустно, обидно - сломана жизнь большинства людей на одной шестой части мира.

Вот в такой атмосфере произошла моя встреча с башкирским писателем Г.Байбуриным. Татарские и башкирские писатели любили Дома творчества, особенно зимой, мне повезло, именно здесь я сблизился почти со всеми известными писателями Татарстана и Башкирии.

Габдулла Байбурин не был говоруном, скорее молчуном, тоже, кстати, отличительная черта того уходящего сегодня поколения. Это, пожалуй, объяснять подробно тоже не следует, ведь слишком многим из них пришлось дорого заплатить за слова, даже за думы, мечты. Как признался мне один «враг народа»: «За двенадцать слов, сказанных мною в запале, я заплатил 20 годами Колымы». Но в узком кругу, за бутылкой дефицитной в ту пору водки, и Габдулла-абы тянуло поговорить, даже, как я чувствовал, выговориться. Ему уж точно казалось, что настал час свободы, демократии – по телевизору говорили и показывали такое, в газетах писали о том, о чем вчера и подумать было страшно. А телевидение и газеты ему казались главными атрибутами власти. Наверное, о таких, как Габдулла Байбурин какой-то журналист написал лет десять спустя – появились первые жертвы, задохнувшиеся от ложной свободы.

У всех тюркских народов существует культ старшего, уважения к старости, возрасту, у нас даже есть определение – аксакал. Оно включает в себя множество необходимых понятий: мудрость, дальновидность, взвешенность, предполагает достойно прожитую жизнь. Для меня Габдулла-абы и был аксакалом, хотя бороды не носил и выглядел стройным, подтянутым, молодежавым, по утрам ежедневно бегал до дачи Евгения Евтушенко и обратно, говорил, что дома, в Уфе, не пользуется лифтом. Я видел, с каким уважением относятся к нему Мустай Карим, Муса Гали и писатели помоложе: Риф Туйгунов, уже ушедший от нас Денис Буляков. К фронтовикам у меня с детства сложилось особое отношение, я понимал, что они все ровесники моего погибшего отца и всегда, при случае, я старался выказывать им уважение. Иногда мне казалось, что этим я отдаю сыновний долг и своему отцу, но такие чувства трудно выразить словами. И пока жив последний солдат нашей Победы, мои чувства к ним не иссякнут, с их уходом я осиротею во второй раз, уже навсегда.

Однажды после ужина я заметил Габдулла-абы, задумчиво сидевшего в продавленном писателями кресле в холле у выключенного телевизора. До главного вечернего выпуска новостей, когда обычно разворачивались баталии на идеологической основе, оставалось почти два часа, и я пригласил его к себе. И настроение коллеги мне не понравилось, да и повод был. В этот день один

малознакомый писатель из Грузии привез мне подарок от моего друга, поэта Резо Амашукели – бутылку пятизвездочного коньяка «Варцхи», связку чурчелы и даже палку сырокопченой колбасы, и два лимона. Резо, конечно, знал, что я перебрался в столицу после покушения, знал и том, что в Москве уже возникли проблемы с продуктами. В общем - высокостандартный привет из Тбилиси, которыми мы часто обменивались в застойные годы. Ирина быстро накрыла нам стол. Повеселевший Габдулла-абы хитро улыбнулся и спросил: «Как ты догадался, что мне сегодня очень хотелось выпить?» Я ответил: «Такие желания, как вирус, передаются воздушным путем, к тому же я не люблю и не пью один, повезло мне с вашим настроением».

Первый тост мы подняли за моего друга Резо, приславшего, по нынешним временам, царский подарок, за грузин, с которыми Габдулла-абы, оказывается, вместе воевал в самом начале войны, за Тбилиси. Разговор, как всегда, перешел на литературу, на прочитанные книги, интересные журнальные публикации, на наших общих друзей, за здоровье которых мы тоже выпили. Бутылка быстро пустела, время теленовостей, которые я никогда не пропускал, приближалось, моё отсутствие там могло быть воспринято как поражение. И я вдруг вспомнил, что всем ветеранам задаю вопрос о войне, а Габдулла-абы я об этом еще не спрашивал, как-то не складывалось, хотя до этого мы не раз оказывались в застолье вместе. Последний раз я даже сидел рядом с ним на дне рождения Амирхана Еники, вот там много говорили о войне, потому что собрались, в большинстве, фронтовики. Надо отметить, что Габдулла-абы не ввязывался в идеологическую перебранку между «белыми» и «красными», хотя точно не принадлежал и к выжидающим, т.е. третьей группе, тоже заметной среди собравшихся у телевизора, позже я объясню почему.

Я задал свой вопрос. Гость поднял на свет почти опустевшую бутылку и сказал: «Дорогой Рауль, чтобы рассказать про войну, даже просто выделить что-то главное в ней, и ящика прекрасного «Варцхи» не хватит. Но поведаю я тебе, как ни странно, о светлой стороне войны, случившейся именно со мной, - видя мое искреннее удивление, он повторил – Да, да, о светлой стороне, не выказывая чувства прежде времени. Об ужасах и героизмах ты уже наслушался, я знаю твой давний интерес к войне, слышал, что ты долго искал следы гибели отца, мне об этом Мустай говорил».

Мы выпили оставшийся на дне бутылки коньяк и оба невольно одновременно посмотрели на часы. До новостей оставалось ровно 40 минут, но Габдулла-абы продолжил:

- Призвали меня на фронт в первый же день войны, я как раз школу закончил, у нас даже приписных свидетельств от военкомата не было. До войны на срочную службу призывали в девятнадцать

лет, а мне и моим двенадцати одноклассникам исполнилось только 18, мы всем классом пришли на призывной пункт, его при школе и организовали.

Наверное, обязательно нужно сказать, что я родился в Башкирии, в горной части, в глухой татарской деревушке. Сейчас мои родные края за красоту, за сохранившуюся природу, нетронутый ландшафт, за чистоту воздуха, горных речушек и озер называют Швейцарией. С детства я мог уходить с друзьями в лес, в горы, на озера, на охоту, рыбалку, сбор ягод, грибов, полезных трав и на два, и на три дня. И родители не пытались искать нас, разве что в буран, метель, большой снегопад. Мы были самостоятельные, рукастые, природу и лес мы считали вторым домом. О сибирских охотниках ходят легенды, что они белку в глаз бьют, мы тоже так стреляли, иначе шкурку белочки в «Заготконторе» не принимали. До войны у многих школьников в Уфе были беличьи шубки.

В десятом классе мы с соседом Исламом, сыном лесника Мубарака-абы, на соревнованиях в Уфе получили из рук военкома популярные в те годы значки «Ворошиловский стрелок». В детстве я даже не знал, что есть домашние пчелы и ульи, мед мы собирали «бортнический», тот, что дикие пчелы в дупле вековых деревьев прячут. Оттого в наших краях до войны много медведей водилось. Хитрый, ловкий зверюга, хотя увальнем, нерасторопным кажется, но знает, как найти мед, как его добыть. Мы часто пользовались его хитростями, искали пчелиные кладовые по следам медведей. К слову сказать, ни татары, ни башкиры специально на медведя не ходили, не охотились, мусульмане не едят медвежатину, как, например, иудеи не употребляют свинину, и шкура косолапого у нас никак не ценится, ее не используют в домашнем обиходе, и на шубы она не идет. Другое дело - волк, он особо популярен у башкир, казахов, а у чеченцев волк представлен на гербе, серый хищник, вообще, почитаем у тюрков. Волк у мусульман даже в имена и фамилии прочно врос.

Да, начальную школу, татарскую, я закончил у себя в деревне, а позже учился в интернате, вдали от дома, и тоже на родном языке. С детства мечтал стать преподавателем татарской литературы, с третьего класса писал стихи и рассказы. Даже знал, где в Уфе буду дальше учиться, тогда факультеты на татарском языке, особенно гуманитарные, были во многих институтах Башкирии. Хотя любил Пушкина и Лермонтова, уже переведенных в ту пору на татарский, русский язык я знал плохо, но на войне он мне быстро стал почти родным. Русский язык был на войне не только языком победы, но и выживания, сколько погибло ребят, не знавших языка - не сосчитать.

Через пять дней после объявления войны, наш эшелон из Уфы уже прибыл в Подмосковье. Несмотря на кажущийся хаос и неразбериху, новобранцы, вчерашние студенты и школьники,

рабочие и колхозники, в считанные дни на наших глазах становились солдатами, армией. Такие же грандиозные преобразования происходили и в тылу. В чистом поле в Казахстане, в Узбекистане, за Уралом, в Сибири через два-три месяца начинали работать заводы, фабрики, эвакуированные под обстрелами с Украины, с юга России, Москвы, Ленинграда. Я часто думаю: где, когда и почему эта способность собраться, в мгновение стать силой потерялась у нас и вернется ли она когда-нибудь? Куда эта организованность, масштаб подевались, где, когда народ лишили силы, единения? Разве можно сегодня понять, как подмосковный завод «Электросталь» был заново построен на Урале за 75 дней?

Я знал, что всех обладателей знака «Ворошиловский стрелок» определяли в школу снайперов, но я почему-то не попал туда. Меня, как сельского жителя, назначили в пехоту, наверное, потому что там, как нигде, требовалось умение выживать, в любое время года жить в чистом поле, питаться подножным кормом. В войну вокруг были лошади, их часто ранили, убивали, они нас и от голода спасали, когда неделями под бомбежками в траншеях и окопах укрывались. Мы даже вялить конину на ветру научились, казахи нам посоветовали. Русские, кавказцы, евреи долго воздерживались от конины, но голод не тетка, привыкли и даже полюбили.

Поначалу я жалел о школе снайперов, о них с первых дней войны легенды слагались, в газетах фронтовых печатали, но и им не позавидуешь. Против некоторых из них шла персональная война, за их головы немцы назначали премии, давали отпуска, повышали в звании, за ними охотились лучшие немецкие снайперы. За всю войну я видел этих ребят на территории Украины, в Карпатах два-три раза, да и то мельком, возле штаба. Мужчины уже в возрасте, солидные – якуты, ханты, эвенки, манси, коряки, ульчи – сибирские охотники, одним словом.

Первый год войны оказался тяжелым для всех: отступления, потери, недостаток оружия. Трудно было и мне, молоденькому солдату. Подвигов я от себя не ожидал, хотя рядом были такие примеры, что гордость за ребят брала, но я человек независтливый, хотя и говорят, что татары самый завистливый народ. Страх, скрываемый мною ото всех и, прежде всего, от самого себя, пронизывал меня с ног до головы при первом же звуке летящего на наши головы снаряда - какой же из меня солдат? Рядом некоторые в это время балагурили, курили. Но я, как и все, по команде молодого лейтенанта из Уфы, земляка, выскакивал из траншеи, стрелял, за спинами ребят не прятался, помочь раненым товарищам спешил, как и все. Меня однажды даже похвалили перед строем.

Как только звучала команда нашего лейтенанта Ради́фа Файзулина: «В атаку!», мы выскакивали из траншей и с криками «Ура!» бежали вперед, стреляя. От страха мои руки дрожали, в моём

«Ура!»), наверное, не было той отваги и веры в свои силы, которые я слышал в голосе командира и ребят, таких же юных, необстрелянных, как и я. Состояние душевного разлада, страха, от которого я старался избавиться, но не мог, угнетало меня. Я начинал презирать себя за малодушие, за то, что я не мог показать себя таким, каким был на самом деле. Я даже не мог порадоваться, что остался жив после очень тяжелого боя!

Вокруг лежали убитые и раненые, что еще больше огорчало меня, и я винил себя, думая: вот, если бы я чаще стрелял, страховал бегущего рядом, наверное, кто-то из них остался бы живым.

Так продолжалось мучительно долго, целых четыре месяца. В конце моего четырехмесячного пребывания на передовой, наша часть попала под тяжелейшую бомбардировку с воздуха. В начале войны у немцев было явное преимущество в небе. К Москве они рвались настойчиво, оттого авиаудары случались иногда и дважды, и трижды в день, и бомб, самых тяжелых, на первом году войны немцы не жалели. В одной из таких атак я получил тяжелое ранение в грудь и контузию, был отправлен с передовой в тыловой госпиталь в Рязань. В госпитале я провел ровно столько же времени, сколько успел пробыть на передовой. В санчасти у меня была возможность комиссоваться подчистую, и в 1942 году война для меня могла бы закончиться. Но я не воспользовался этой возможностью и был счастлив, что сделал этот выбор сам. В госпиталях раненые, на мой взгляд, делились на две категории: одни всеми правдами и неправдами пытались комиссоваться по состоянию здоровья, другие отчаянно рвались на фронт, даже если здоровье не позволяло этого. Я тянулся к тем, кто спешил на передовую, в бой. Конца войны и не предвиделось, наши войска несли огромные потери, в осаде оказались Ленинград, Сталинград, уже лежали в руинах Киев, Минск.

Выписался я из госпиталя с заметной контузией, часто болела голова, и я плохо говорил, заикался, но врачи уверяли, что это обязательно пройдет. Я попросился у военкома Рязани обратно в свою часть, но выяснилось, что части моей больше нет, расформировали. После нескольких тяжелейших боев полегли почти все, включая и моего командира Радифа Файзулина. Такого сообщения я не ожидал, не был готов, и по-мальчишески чуть не расплакался в кабинете майора с пустым рукавом. Признаюсь, на вокзале, в ожидании эшелона на передовую, я все-таки дал волю слезам. Мне не было и девятнадцати, столько же было и всем павшим, с кем я воевал рядом первые месяцы войны.

Моя новая часть тоже находилась на передовой, второй месяц подряд сдерживая постоянные, почти ежедневные атаки врага. Пехотинцы успели хорошо закрепиться, построить несколько блиндажей в рост человека с буржуйками, тут можно было укрыться

в холод, дождь, в любое ненастье. Прямо из блиндажей можно было попасть в разветвленные траншеи, которые мгновенно заполнялись солдатами при первых же залпах новой немецкой атаки. С таким продуманным, качественным обустройством я встретился впервые. Часть оказалась сформирована из сибиряков, но в ней не было ни одного молодого, возраст у всех от 35 лет до 45, на мой тогдашний взгляд – старики. Оттого я сразу приуныл и от неожиданности стал заикаться еще сильнее. В блиндаже мне достался самый дальний и темный угол. Освещение в блиндаже отсутствовало, лишь на входе тускло коптила керосиновая лампа без стекла, наверное, хозяйственные сибиряки подобрали ее в разбомбленной рядом деревне.

Изменилось ли мое поведение, исчез ли страх после госпиталя? Я не мог еще точно ответить на это. В атаку с криками «Ура!» мы еще не ходили, хотя мне очень хотелось. Мы удерживали позицию, очень важную высоту, с которой немцы, выбей они нас отсюда, могли простреливать все лежавшие в низине поселки, где базировались наши солдаты и формировались новые части.

Теперь стрелял я гораздо быстрее и лучше, чем раньше, но стрелять с бруствера в траншею совсем иное дело, чем стрелять в бою, в атаке. В траншею кажешься защищенным, тут можно пригнуться, спрятаться. С первого дня сибиряки поставили меня вторым номером к пулеметчику, чтобы я освоил новое для себя оружие, чтобы в любую минуту был готов подменить первый номер – пулемет не имеет права молчать, как сказал мне усатый сержант Прохор Медведев. Пулеметов у нас имелось четыре, и все они, готовые к отражению немецкой атаки, стояли в разных местах, слегка замаскированные на бруствере.

Первая неделя в новой части с сибиряками, когда немцы, желая застать нас врасплох, атаковали даже ночью, шла тяжело. Оказывается, траншеи не очень спасали от пуль, снарядов и осколков, хоронить однополчан приходилось каждый день. В свободные часы, которые все-таки выпадали, я забивался в свой самый дальний и темный угол и пытался вспоминать свою довоенную жизнь – нашу деревню, родителей, школу, все в прошлом казалось далеким и прекрасным. Среди молчаливых сибиряков у меня не было друзей – для них я был юнцом, да и заикался еще сильно. И хотя после госпиталя я говорил по-русски уже лучше, обращались ко мне очень редко. В то время я чувствовал себя очень одиноким. Бывали такие минуты, когда очень хотелось с кем-нибудь переговорить, поделиться мыслями, особенно, когда приходили письма из дома. Спасибо почте, я получал весточки от родных регулярно, всю войну. Невозможность поделиться с кем-то радостью, новостью, печалью стала плохо влиять на мое настроение, самочувствие, и я уже собирался просить людей из штаба,

наведывавшихся к нам на передовую ежедневно, перевести меня в другую часть. Но неожиданно произошло событие, круто изменившее мою жизнь на фронте.

Однажды поздно вечером, после тяжелого боя, начавшегося чуть ли не на рассвете и закончившегося в сумерках, когда немцев гнали на нашу высоту волна за волной, и полегло их в тот день немеряно, мы наконец-то вернулись к себе в блиндаж. Как говорил наш сержант – дух перевести и портки подлатать. В этот день мне впервые пришлось подменять пулеметчика, моего учителя, он и по жизни был им – преподавал математику в старших классах. Спокойный, интеллигентный человек, пусть подмосковная земля будет ему пухом. Я так устал и физически, и от ответственности, неожиданно свалившейся на меня в бою – пулемет мой в тот день оказался в центре событий. Немцы впервые атаковали сбоку, а мы их оттуда не ждали. Я видел, как мой учитель раз за разом «косил» немцев по всему фронту наступления, не давая им подняться в атаку, и делал он это ловко, лихо, сопровождая стрельбу выразительным многоэтажным матом, который из-за стрекота пулемета трудно было слышать даже мне. Вдруг он попросил у меня воды, а когда я протянул кружку, шальная пуля попала ему в шею, прямо в сонную артерию, и он повалился на меня.

Сменив убитого пулеметчика, я не подкачал, не подвел товарищей, не сумели немцы подняться в успешную атаку, наверное, и не заметили, что на фланге сменился пулеметчик. Вечером, при разборке боевых действий, меня впервые похвалили в новой части, даже обещали представить к награде. В общем, сибиряки признали меня своим, на войне это дорогого стоит. Я не стал даже зашивать порванный рукав гимнастерки, так устал, что мечтал заснуть хотя бы на пару часов и молил Всевышнего, чтобы не случилось ночной бомбардировки с воздуха. Жуть, когда бомбят в кромешной тьме, трудно сориентироваться - куда бежать, где спрятаться, особенно со сна.

Я уже засыпал, как вдруг услышал, что на пороге затихшего блиндажа возникло какое-то движение - появился новый солдат и он, как положено по уставу, представился старшему по блиндажу Прохору Медведеву, занимавшему привилегированное место у входа: «Солдат такой-то после госпиталя, направлен в ваше подразделение для продолжения воинской службы». Мне казалось, что мне это снится, потому что прибывший солдат, как и я плохо говорил по-русски, с явным акцентом, характерным для тюркоязычных людей – татар, башкир, азербайджанцев. Фамилию я совсем не слышал, а вот звали нового воина то ли Камиль, то ли Кафиль, то ли Кенес... Нерасслышанное имя почти убедило меня в том, что я сплю, потому что уже несколько раз я видел один и тот же сон: будто к нам прибыло пополнение и среди них оказались мои

земляки из Башкирии, или солдаты из Средней Азии - узбеки, каракалпаки, туркмены. И я радовался во сне. У нас, тюрков, очень схожий язык, и мне было бы с кем поговорить после боя, поделиться новостями из дома. «Жаль, это опять во сне», – подумал я сквозь дрему и перевернулся на другой бок. Но меня вернул в реальность голос сержанта Медведева, сказавшего непривычно для него тихо: «Вот рядом со мною хорошее место, оно сегодня освободилось, занимай, если хочешь». Прибывший ничего не ответил и зашагал по проходу дальше. Там впереди, слева и справа, было еще два-три свободных спальных места, но луч его фонарика долго на них не остановился, он двинулся в мой самый дальний и сырой угол - последняя буржуйка стояла в середине блиндажа. Он шагал неторопливо, мягкими, вкрадчивыми шагами, которые обычно встречаются у разведчиков или прирожденных охотников, словно кого-то искал или даже знал, кто ему нужен. Загоравшийся на секунду свет его трофейного немецкого фонарика «Даймонт», бывшего почти у каждого нашего солдата, приближался ко мне. От неожиданно нахлынувшего волнения я невольно вскочил, понимая, что надо приветить солдата, кем бы он ни был. Еще шага за три-четыре до меня он высветил угол и, увидев крюк, на котором висела моя шинель, подвесил фонарик за пуговицу. В образовавшемся световом пятнышке, где мы хорошо видели друг друга, протянул мне с улыбкой руку и сказал по-казахски: «Кенес Байгазин из Казахстана». Как только наши руки встретились, в ту же секунду мы, по обычаю предков, крепко обнялись как родственники или друзья, давно не видевшие друг друга.

Еще когда он прилаживал фонарь, я успел его разглядеть. Парень был года на два-три старше, выше меня, крепче и воевал он, наверняка, гораздо лучше меня - у него на груди бросались в глаза медаль «За отвагу» и рубиново рдевший высокий орден «Славы». За восемь месяцев войны, находясь в обороне, и такие награды!! Теперь я понял, почему Прохор Кузьмич предложил новичку место рядом с собой. У моих однополчан-сибиряков тоже были ордена и медали, но ни у кого - ордена «Славы». Забегая вперед, скажу, что каким бы я ни был смертельно уставшим, мечтавшим только о сне, мы не сомкнули глаз в своем уголке до утра – говорили, говорили, говорили...

Кенес, не в пример мне, оказался не только хорошим солдатом, орденосцем, но и по-сибирски хозяйственным, основательным. В его разбухшем вещмешке и дорожном брезентовом мешке нашлось многое, чего не хватало мне в солдатском быту. У него имелось даже чем обмыть, отметить нашу встречу и закусить. И даже свеча освещала наш темный угол. Хочешь верь, хочешь не верь, я почти перестал заикаться за эту ночь, днем это отметил и Прохор Кузьмич. В семье я был старший сын, но в первый же день пребывания Кенеса

в нашем подразделении, я почувствовал, что рядом со мною - мой старший брат, сильный, ловкий. Я видел, как днем с уважением встретили его сибиряки. «Молодца видно по походке», - подтвердил мою догадку наш сержант.

С марта 1942 года до самой Победы мы с Кенесом не расставались, хотя эту сибирскую часть очень скоро расформировали. Потом мы еще не раз переходили из части в часть, по тем же причинам – гибли и гибли наши друзья - однополчане, а нас Всевышний оберегал. Я бы пропал, погиб уже в сорок втором, если бы рядом не появился Кенес. Я потерял рядом с ним свой страх навсегда. Хотя нас обоих и ранило не раз, но от госпиталей мы отказывались, боялись потерять друг друга. Последний год войны мы воевали в разведке. Однажды мы с Кенесом три дня подряд ходили за фронт за «языками» и трижды доставляли «нужных» немцев. Вот тогда какой-то высокий чин не только представил нас обоих к ордену «Славы», но и порекомендовал перевести нас в разведку.

О том, как мы воевали вместе с Кенесом можно долго рассказывать, иногда может прозвучать даже очень интересное. Кенес, адаец, родом из самого воинственного племени казахов, родился воином по крови, охотником. Война, как мне казалось, была его родной стихией, он в ней ориентировался, понимал ее, читал ходы врага, знал, где ставить ему капканы, ловушки. Храбрость его отличалась рассудительностью, расчетом – редчайшее качество для воина. Вот эти его способности помогли нам обоим выжить в той нескончаемо долгой войне. Надо отметить, что с того времени, как мы встретились с Кенесом Байгазиным, нас представляли к наградам всегда вместе. Война научила нас многому, прежде всего, побеждать не только врага, но и свои слабости, ценить людей, дружбу. За войну мы в совершенстве одолели русский язык, что открывало нам после Победы двери любого университета.

- Наверное, ты хочешь спросить меня - виделись ли мы с Кенесом после войны и как сложилась жизнь героя, так повлиявшего на мою судьбу, мой характер, ведь старшему брату всегда хочется подражать? – Габдулла-абы печально взглянул на пустую бутылку и продолжил:

Военкомы, формировавшие составы из Германии домой, бывалым воякам шли навстречу. Демобилизовались мы в один день и вернулись в Москву вместе, в таких же товарняках, в которых отправлялись на войну, только настроение в составе, в каждом вагоне, царило победное. Если бы ты видел, как нас встречали на остановках – праздник, ликование! В ту пору еще ходили паровозы, они каждые 35-50 километров останавливались, чтобы заправиться водой, почистить топки, загрузиться углем. Дорога от Берлина до Москвы дала нам почувствовать, что мы - единый народ, страна-

победитель. Кстати, там, на Эльбе, мы с Кенесом встречались и с американскими, и с английскими солдатами и офицерами. Могу заверить тебя, что тогда они безоговорочно считали нас главными победителями и скромно оценивали свое участие, даже извинялись за то, что поздно вато открыли второй фронт - мол, не в их власти было поддержать русских раньше. За накрытыми столами наши союзники в те дни не особенно хорохорились, знали свое место, большая часть тостов была за нас, за Москву, за Сталина. Это сейчас пошла ревизия нашей жизни, нашей Победы, и грустно нам, фронтовикам, что некому оказалось встать за честь нашей Победы и за нас, фронтовиков. Ну, да ладно, хватит о грустном.

В Москве наши пути надолго разошлись, я на другой день в товарняке покатил в Уфу. Состав в Алма-Ату ушел через день, на нем Кенес с земляками отправился к себе на Мангышлак, в аул. Перед отъездом мы обменялись адресами, дали друг другу не только координаты родителей, но и друзей, мы так не хотели потеряться в мирной жизни. Чувствовали, что в стране и в нашей личной жизни будут большие перемены, прежде всего - учеба, получение высшего образования. Какие профессии мы только не примеряли на себя! Мы еще до победы, в которой нисколько не сомневались, приглашали друг друга переехать жить в свои родные края, расхваливали природу, людей. Хотя в душе, конечно, понимали, что никто из нас не покинет родные места - только любовь к ним, к родным, дала нам силы одолеть сильного и мощного врага, не будем обольщаться насчет последнего. Этим-то и ценна наша Победа. И тут на прощание Кенес, еще раз проявив свою мудрость, сказал: «Если вдруг потеряемся, ищи через военкомат, ведь мы еще лет двадцать будем в резерве страны». Обязательно надо отметить работу военкоматов в войну и после войны, они, как и почта, железная дорога, оказались на высоте.

В разоренной войной стране первые годы после возвращения с фронта оказались тяжелейшими. Мы и не представляли, что война вытянула из тыла все соки, все жилы. Лозунг «Все для фронта!» для них был законом, они и жили по законам военного времени, с вытекающими отсюда последствиями. Сами голодные, босые, холодные – они все отдавали фронту, победе, порою казалось - наш героизм в боях меркнул перед тем, что преодолели в тылу наши родные и близкие. Ведь в каждом доме остались старики, дети. Потому и не особенно хвалились Победой фронтовики, не сверкали орденами и медалями - выжив в войне, надо было выжить в мирное время. До конца 1947 года мы оба, орденосцы, получали награды, пусть небольшие, но очень нужные деньги, потом их быстро отменили. Геройски воевавших оказалось миллионы, и казна не могла выдержать всех орденосцев. Никаких протестов и волнений это решение не вызвало, хотя и касалось многих -

фронтовики понимали и видели, как трудно поднимается с колен разоренная страна. Оттого первые наши письма из дома оказались без особой радости, без сентиментальных воспоминаний о военном пути, хвастаться нам было нечем, но связь мы не теряли.

Дома, и в Башкирии, и в Казахстане, да, наверное, и повсюду жизнь была так трудна - не передать. И мы оба поняли, что высшее образование откладывается на неопределенное время. Ты, Рауль, помнишь эти годы, они у тебя в повестях и рассказах хорошо описаны, не буду ворошить тяжелое прошлое. В университет я поступил только в 1949 году, а Кенес годом раньше стал студентом строительного института в Алма-Ате. В студенческие годы у нас переписка ожила, и письма стали веселее, жизнь налаживалась – главное, мы определились, кем будем в мирной жизни.

Впервые мы с Кенесом после войны встретились лишь в 1957 году, я уже работал на кафедре в своем университете и заочно заканчивал аспирантуру. В августе 1957 года, в год Всемирного фестиваля молодежи в Москве, я со своими студентами был неожиданно направлен старшим на целину в Казахстан, в Уральскую область. Выдался невиданный урожай, целина оправдала надежды страны. Как только я узнал адрес нашей дислокации на целине, отбил телеграмму Кенесу, что приезжаю на его родину. Кенес, инженер-строитель, в ту пору писал, что работает в Кызыл-Орде начальником участка. Но потом, через годы, когда он уже жил в Алма-Ате и возглавлял крупный строительный трест, признался мне, что тогда, в 1957-ом, он работал на сверхсекретном объекте в Тюра-Таме, строил ныне всемирно известный космодром Байконур. А Кызыл-Орда, оказывается, означала только почтовый адрес, для секретности - холодная война уже давно началась.

Конечно, за двенадцать лет после расставания на Казанском вокзале в Москве мы сильно изменились, возмужали, мне было 35, ему - 37. В первую нашу встречу на целине, как и в 42-ом на передовой в блиндаже, мы проговорили всю ночь, и что странно - редко вспоминали о войне, о бомбежках, об артобстрелах, ранениях, госпиталях. Правда, спрашивали, интересовались однополчанами - где они, чем занимаются. С семьями, с детьми впервые мы встретились у Кенеса в Алма-Ате в 1961 году, в год полета Гагарина в космос. Кенес гордился, что он оказался причастен к этому полету, что строительству космодрома отдал семь лет жизни. Бывал Кенес с семьей и у нас в Уфе, и я успел показать ему родные места - башкирскую Швейцарию, нашу реку Агидель. Возил его в известный санаторий, единственный в стране, где лечат только кумысом – древним напитком тюрков. Кенес приглашал меня с семьей на знаменитый курорт «Боровое» рядом с Целиноградом, там места очень похожи на Башкирию. Вместе, семьями, мы отдыхали на высокогорном Иссык-Куле, тоже редкой красоты места. Приезжал я

в Алма-Ату много раз и как писатель: то на съезды писателей, то на декады литературы, и, конечно, эти дни мы всегда проводили вместе.

Хочу отметить, что внимание к себе мы, фронтовики, почувствовали только с приходом к власти Л.И.Брежнева. Он единственный из первых лиц, при ком вспомнили масштабно о ветеранах войны, Леонид Ильич поднял память о войне, о погибших. При нем возникли памятники павшим бойцам, построили мемориалы памяти. Стали приглашать нас, ветеранов, на парады в Москву. При нем появился у Кремлевской стены и главный памятник войне – Неизвестному солдату с Вечным огнем. При нем стал решаться наш квартирный вопрос, появились льготы, выделялись путевки для ветеранов на курорты и здравницы, начали устраивать встречи с однополчанами. Уход фронтовика Леонида Ильича Брежнева мы, ветераны, ощутили сразу - позже ни одна власть не сделала для нас и десятой доли того, что сделал дорогой Леонид Ильич. Кажется, в Библии сказано – да судите их по делам их.

Кенес умер рано, в 1986 году, в дни декабрьских волнений студентов в Алма-Ате. Умер от разрыва сердца, слишком близко принял он эти события. Он оказался в числе немногих, кто публично осудил действия тогдашнего руководителя Казахстана В.Колбина.

Габдулла-абы в своем рассказе несколько раз подчеркивал, что противник у нас в ту войну оказался хорошо вооруженный, сильный духом. Хочу подтвердить его правоту новыми фактами, открывшимися нам только недавно из спецархивов и только тем, кто интересовался прошлой войной в силу субъективных причин. Габдулла-абы ушел из жизни, не зная этих примеров доблести немецких солдат, но он, прошедший войну от и до, был убежден, что воевал против очень сильного врага.

Поделюсь и я своими открытиями о войне с вами, дорогой читатель. Мы победили ценой многих самопожертвований и мы знаем имена своих героев, чтим их память. Но факты самоотверженности немцев тоже поражают воображение, вызывают уважение. Они тоже воевали, не жалея живота своего, и у них было свято – положить жизнь за друга своего. И в немецкой армии были свои Матросовы и очень разные по возрасту солдаты, от 18 лет до 46. Не знаю, сколько у нас солдат повторило подвиг Александра Матросова, а у немцев их было больше сотни, и все фамилии известны, вошли в историю своего народа. Все мы помним подвиг летчика Николая Гастелло в начале войны, когда он свой подбитый самолет направил на колонну машин с врагами. У немцев известны 82 летчика, повторившие подвиг нашего героя. Этот же подвиг повторили в той войне и более 20 англичан. Мы никогда не забудем подвиг другого нашего летчика - Алексея Мересьева. Но у немцев был свой Мересьев – Ханс-Ульрих Ридель, ас из асов, легенда

всемирной военной авиации. Самолет Риделя был сбит тридцать раз!! О его появлении в воздухе наши летчики сразу предупреждали друг друга. Его самолет имел именной раскрас - он не скрывал, что он, Ридель, в воздухе. Пять раз ранен, шесть раз после боя совершал посадку за линией фронта в чистом поле, чтобы спасти сбитые экипажи летчиков-однопольчан, своих друзей. Разве это не по-русски – за други своя! После семи серьезных ранений Хансу-Ульриху ампутировали нижнюю часть голени, но и без ноги он продолжал воевать, летать. Вот у какого врага мы выиграли войну! И должны быть внимательны к своим ветеранам, чтобы не уходили они из жизни с обидой на власть, на нас, за кого они стояли насмерть.

Никак не хочется уходить от воспоминаний о войне, услышанных из уст отцов. В детстве мы, разумеется, любили фильмы только про войну (если про любовь, то фыркали!), много читали о войне. Выходило много книг, адресованных детям, юношеству, ведь в тех боях отличились сотни детей и подростков. Сын полка, юный партизан – не пустые слова, за ними стояли биографии конкретных пионеров. Особенно я любил книги о фронтовых разведчиках и о тех, которые работали в логове врага. Очень волновали рассказы о подводниках, о тех, кто охотился за чужой подлодкой. У немцев всю войну было численное превосходство и на море, и под водой. Немецкие подводники считались лучшими в мире, но у нас был Маринеско!! Александр Маринеско в январе 45-го года потопил немецкой суперлайнер «Вильгельм Густлов», имевший на борту свыше 5000 солдат и офицеров, шедший в плотном конвое подлодок, а в феврале – крейсер «Генерал Штойбен», на котором находилось около 3000 немцев! Гитлер объявил его врагом Рейха №1 и своим личным врагом.

Меня потряс и на всю жизнь запомнился рассказ о снайпере из Хабаровска, я даже его фамилию помню через 60 лет – Пассар, забыл имя, национальность, но он был из малых народностей Севера, охотник. Пассар, как и Ридель среди летчиков, оказался асом из асов среди снайперов всех времен и народов. О нем с первых дней войны ходили легенды на передовой. За четыре года войны он один выбил из строя целый полк – на его счету более 460 высших офицеров и генералов, за солдатами он не охотился. Слишком был важен каждый его выстрел. Иногда его меткая пуля парализовывала немецкое руководство целых фронтов, из-за его выстрела немцы откладывали наступление. Пассара постоянно перебрасывали самолетами с фронта на фронт, с юга на север и наоборот, иногда даже забрасывали в тыл немцам, для него персонально готовили спецоперации в главных штабах войны. Наше военное руководство знало - там, где появлялся Пассар, среди высших немецких чинов начиналась паника, он сковывал их передвижение и работу даже в

закрытых зданиях. Однажды на Украине он застрелил очень осторожного генерала, прибывшего из Берлина с инспекцией на фронт, когда тот попытался в спальне на секунду распахнуть форточку. Психоз среди противника начинался потому, что он всегда стрелял так, как привык с детства стрелять в белок – только в глаз. Немцы окрестили его «Дьяволом». И за голову нашего снайпера были назначены немислимые деньги, Пассара, его местонахождение выискивала немецкая разведка. За ним всю войну охотились лучшие немецкие снайперы, целые спецподразделения, но он их всех переиграл, потому что родился стрелком и был терпелив и спокоен как йоги. Охота на важного генерала часто требовала недели абсолютной неподвижности, слитности с природой. Иногда, когда охотился за высокими чинами, чтобы не спугнуть, не обнаружить себя по почерку, он стрелял прямо в переносицу. Это был второй его коронный номер. Случалось, командование велело ему стрелять в сонную артерию, в висок, чтобы раньше времени не обнаруживать себя, не давать знать врагу, что рядом объявился «Дьявол», потому что немцами тут же принимались беспрецедентные меры безопасности для высших чинов, и все возможные силы бросались на его поимку. Охрана высших генералов усиливалась многократно, их передвижение ограничивали или срочно увозили с этого фронта. Появление в округе «Дьявола» становилось тут же известно в Генштабе, в Берлине.

Говорят, после одной очень важной ликвидации, Пассара доставили в Кремль к Сталину, и он из его рук получил очередной высокий орден и личную благодарность вождя.

В мае 1986 года, в дни чернобыльской катастрофы, я работал в Ялте, в Доме творчества. В это время мой сын служил в армии в Хабаровске. Услышав, что в Доме творчества находится писатель из тех мест, я поспешил к нему - хотел передать сыну письмо, гостинцы и только что вышедшую в Москве книгу. Мы встретились, представились, я выложил ему свою просьбу, и он любезно согласился передать посылку, часть сына стояла в самом городе. Когда он назвал свою фамилию – Андрей Пассар, что-то во мне дрогнуло, и я сказал: «Странно, но мне ваша фамилия очень знакома». Он улыбнулся и ответил с гордостью, не раздумывая: «Наверное, вы слышали о моем брате, он был самым знаменитым снайпером Великой Отечественной войны». И я, конечно, рассказал ему, что читал в детстве книгу о его брате. Жаль, в суете дней и забот я не расспросил Андрея Пассара о его брате - снайпере, особенно меня волновало, как сложилась его жизнь после войны. В книге, помню, он вернулся домой живым и здоровым.

Почему, для чего я написал о снайпере, которого не знал, не видел? Только для того, что, возможно, кто-то заинтересуется этой историей и снимет фильм о легендарном снайпере, ведь каждый его

выстрел - остросюжетная ситуация и выдумывать ничего не надо: 460 уничтоженных высших офицеров Вермахта говорят сами за себя. Может быть, надо попросить С.К.Шойгу, министра обороны России, профинансировать фильм о человеке-легенде, ведь страна сегодня, как никогда, нуждается в героях, патриотах, тем более, что герой – его земляк, сибиряк. И писателя Андрея Пассара легко отыскать, он жив-здоров, живет в Хабаровске и, наверняка, помнит многое из жизни своего легендарного старшего брата. Нельзя, чтобы заглохла память о таком выдающемся солдате.

И все-таки вернемся еще раз к Габдулле Байбуруну, он был гораздо сложнее, чем я до сих пор его показывал. В нашей татаро-башкирской компании писателей, духовным лидером которой был Мустай Карим, почти все не приняли ни горбачевскую перестройку, ни власть Ельцина, ни расхваливаемый капитализм. Мы все понимали, что социализм нуждается в реформировании, капитальном ремонте, но ни в коем случае не в ликвидации. Хотя ни Горбачев, ни Ельцин открыто не открещивались от системы, которая возвела их на олимп власти, но у них обоих крепко разнились слова и дела, и человеку думающему, а главное, равнодушному к судьбе Отечества, было ясно, что их политика ведет к развалу СССР. Наверное, кто-то, читая эти строки, скажет мне лично – умный задним числом. Не соглашусь, зря обижаете. Еще раньше, в 1991 году в издательстве «Советский писатель» у меня вышел роман «Масль пиковая», в нем я показываю и называю открыто М.Горбачева, в то время еще сидевшего в Кремле, Геростратом Отечества. Моя тетралогия «Черная знать» как раз о таких разрушителях страны. Можно сказать, она – хронология того смутного времени. Именно за то, что я показывал и объяснял, к чему ведут страну, на меня было совершено тяжелое покушение в конце 1988г., и с тех пор я инвалид второй группы. В моих романах на двадцать лет вперед точно показан нынешний путь нашей страны, оттого тетралогия до сих пор читается, переиздается, переводится.

Я писал уже о бурных идеологических стычках возле единственного телевизора в холле Дома творчества в Переделкино. Габдулла-абы не поддерживал открыто ни правых, ни левых. Однажды у него в комнате у нас состоялся непростой разговор. Хотя он, со своим другом Кенесом, стали коммунистами на передовой в 1942г., у него были какие-то свои серьезные претензии к власти. О них он открыто не говорил, даже мельком не пытался, осторожность его поколения в нем была сильна. Но власть коммунистов он не любил, и разочарование социализмом у него возникло в период царствования М.Горбачева, когда замаячили иные горизонты. Я заметил, что именно в то время, когда заколебался Габдулла Байбурун, многие партийцы тоже люто ненавидели свою партию, но с партбилетами, как и Габдулла-абы, не расставались. После развала

СССР, когда повсюду в городах и селах сносили и крушили миллионы памятников Ленину, я как-то сказал в компании растерянных коммунистов: «Вас с партбилетами в кармане в стране было более 18 миллионов, и нигде, ни в селе, ни в городе, не выскочил хоть один коммунист, пусть даже вдребезги пьяный или сумасшедший, с топором или берданкой наперевес и встал на защиту памятника своему вождю, крикнул бы в лицо варварам – убью любого гада, кто приблизится к нашему Ленину!». Не нашлось ни одного смельчака, верующего в идеалы своего вождя. Ни одного. И дело не в социализме. На мой взгляд, социализм – единственно верный путь человечества, и он обязательно где-нибудь состоится в лучшем виде, мы уже сегодня видим ростки нового социализма в Китае, у которого есть все предпосылки стать единственной великой державой мира. А жизнь свою китайцы совсем недавно строили по нашим старым лекалам. Не в социализме беда, а в тех 18 миллионах, кто представлял лицо социализма у нас, такие коммунисты пойдут за любым вождем, встанут под любые знамена, примут любую религию, вот в чем я вижу трагедию нашего общества. Авангард великой страны оказался никчемным. Один из героев моего уже упоминавшегося романа «Масль пиковая» небезызвестный Адылов, Герой труда, депутат всего и вся, имевший личную тюрьму для неугодных, сказал о своих братьях по партии: «Не ту породу мы вывели, они при первой же беде предадут, даже свои кресла отстаивать не станут, сбегут к новому хозяину, в новые кресла».

Ум, честь, совесть – было начертано на щите партии, такое сомнение было у наших 18 миллионов избранных! А разбежались без боя не от врага, а из-за демагогии пяти-семи человек. И ведь в силовых структурах страны тоже сидели сплошь коммунисты. Выйди хоть один коммунист с ружьишком наперевес в защиту памятника Ленину – какой бы получился плакат на века! Вот этот коммунист искупил бы предательство всех своих коллег, он бы навсегда вошел в историю. Жаль, не случилось такого подвига, я искренне сожалею об этом, хотя никогда ни в какой партии не состоял.

У меня перед глазами стоит другой великий пример эпохи – час великого духа коммунистов! Я имею в виду знаменитый портрет военного фоторепортера Я.Халдея – «Коммунисты вперед!», где молодой офицер, первый поднявшийся из окопа со вскинутой рукой с пистолетом, зовет однопартийцев подняться в атаку. В этот порыв веришь, ценишь его, гордишься, с такими коммунистами мы выиграли войну. Только оценив врага, мы научимся ценить свои победы. Эту собственную притчу о том, что не нашлось ни один коммунист в защиту памятнику Ленина, я лет десять рассказывал в разных компаниях, надеясь, что меня прервут и скажут – а вот у нас один коммунист погиб, спасая памятник вождю... Жаль, ни разу

меня не прервали, не обрадовали.

Габдулла-абы, имеющий огромный опыт жизни, хорошо образованный, самостоятельный в суждениях, вдруг словно попал под гипноз либералов и демократов. Он наивно верил всему, что обещали Горбачев и Ельцин. Верил, что Запад даст нам 20 миллиардов на развитие, подарит новые технологии. Верил, что мы, писатели, станем получать такие же гонорары, как и на Западе. Что у всех будут такие же высокие зарплаты и пенсии, как у них. Верил, что Ельцин сажает картошку, а его внук, который и в туалет без охраны не ходил, моет после школы автомобили на трассе. Безумие! Не верил, что А.Собчак был задержан с миллионом незадекларированных долларов на таможне в аэропорту Лондона. Бедный Собчак шесть часов томился за решеткой, пока его поделец по развалу СССР Горбачев договаривался с англичанами о его освобождении. Не известно до сих пор, чем мы расплатились за свободу Собчака, ведь такую крупную рыбу, пойманную с поличным, просто так не отпускают. Много, ох много таких вопросов, и не только у меня, к господину Горбачеву.

Я как мог, пытался разуверить своего друга в обратном, но он находил какие-то слабые, необедительные аргументы в защиту своих ожиданий, мечтаний. Только раз он всерьез задумался, засомневался. Габдулла-абы, выросший на природе, безумно любил лес, рыбалку, охоту. Однажды, он фантазировал, что когда уйдет на отдых и станет получать большую пенсию, как американцы, то будет бродить по лесам, собирать грибы, ягоды, полезные травы, дикий мед. Я вдруг от таких маниловских мечтаний так разозлился, что неожиданно для себя прервал его, чего не делал прежде, и разрушил его идиллию, заставил задуматься, сказав: «А вот и не погуляете по своим любимым местам, не половите щук и сазанов где хотите, не постреляете по диким кабанам, зайчикам, тетеревам и глухарям, как вы привыкли». «Почему?» - перебил он меня тревожно. «Потому что кончился социализм, а в вашем любимом капитализме все будет частным: и лес, и река, и лучшие охотничьи угодья». «Ну и что, кто же запретит мне пользоваться тем, что создал Всевышний для всех?», - спросил он как-то неуверенно. «Частная собственность свята и неприкосновенна – гласит первая заповедь капитализма», - ответил я и, поняв, что пробил брешь в его сознании, рассказал один случай:

- Лет за пять до этого напряженного разговора с уважаемым мною Габдуллой-абы, я был с группой писателей в Италии. Программа составлена была удивительно разнообразно, из города в город мы переезжали в роскошном автобусе «Мерседес», где имелись удобства, о которых мы даже не подозревали. Куда бы мы ни ехали, везде на редкость красивые, ухоженные места, все цветет и пахнет. Однажды день выпал жарким, мы проезжали вдоль моря –

красивые пляжи, рядом вплотную к воде подступала роща, и ни души - ни на пляже, ни вокруг. Мы попросили водителя остановиться, но тот испуганно ответил: «Приват, приват, нельзя». Мы не поняли, почему нельзя. Море рядом, есть место, где припарковаться, мы никуда не спешим, а он не останавливается. Тогда мы разбудили задремавшего гида, и он объяснил нам, что это - частные владения, неприкосновенная территория, и вход туда строжайше запрещен. На другой день мы катили вдоль очень красивого лесного массива, захотели остановиться и лишь сфотографироваться, думая, что лес-то уж не должен быть закрыт, как море, но не тут-то было - гид показал незамеченную нами табличку: «Частные владения. Вход запрещен». Вот этот случай, с яркими подробностями, я описал Габдулле-абы, уверяя, что его башкирскую Швейцарию приватизируют в первую очередь. А деревни все до одной перенесут в другие места, чтобы они со своей скотиной, хозяйством, детьми, стариками, старухами не мозолили глаза богатеям и не портили им воздух, который они считают тоже своей собственностью. Какая уж тут охота, рыбалка, тетерева, глухари, куропатки, дикие утки по осени! Да вам туда не дадут даже взглянуть - забудете, как эта башкирская Швейцария выглядит. На худой конец, за солидную плату разрешат вам у какой-нибудь речушки с удочкой посидеть - вот то, на что вы можете рассчитывать, дорогой Габдулла-абы, со своим любимым капитализмом.

Переубедить я его не переубедил, но сомнения в том, что капитализм никак не рассчитан на писателей и фронтовиков-орденоносцев, заложил. На следующий день он уезжал, и мы больше никогда не встречались. Сегодня, через 22 года после того разговора, я могу сказать, что как в воду глядел - капитализм, действительно, не рассчитан на писателей, хотя в ту пору я сказал это для красного словца Габдулле-абы - известному в республике писателю. Думаю, сегодня вместо моего «писателя» каждый может вносить свою профессию, которая оказалась не нужной дикому российскому капитализму. Грустный, если не трагический, получится список.

Но наша история с Габдуллой Байбуриным еще не закончена, потерпите, пожалуйста. Встреча с ним за бутылкой «Варцихи» произошла перед самым развалом СССР в 1991г., а я, в силу многих обстоятельств, прожил в той же комнате № 106 еще семь лет, оплачивая жилье по коммерческой ставке, как и новые русские, наезжавшие в Переделкино покуролесить. Акцентирую на это ваше внимание, чтобы вы не подумали, что новые хозяева Литфонда, быстро продавшие нашу поликлинику, лучшую в Москве, после кремлевской, построенную на писательские деньги, продали Малеевку, пошли мне, писателю, навстречу, дали какие-то льготы,

хотя порою Дом неделями пустовал, жил я один с Ириной. Я приходил на помощь ночным дежурным, когда хулиганы, шпана буйствовали по всей стране, и тут, в Переделкино, рвались в закрытые двери Дома творчества.

Многие татарские писатели за эти восемь лет побывали в Переделкино и у меня в гостях, и я надеялся, что кто-то из них донесет властям суверенного Татарстана, что в Переделкино живет бездомный писатель, чьи книги выходят миллионными тиражами. Жаль, никому не пришло это в голову. Как сказал Расул Гамзатов, с которым я часто общался – переживать за все человечество легче, труднее помочь человеку рядом. А в это время, несмотря на капитализм, где каждого из нас власти учат рассчитывать только на свои силы и не надеяться на государство, чиновники в Казани, как в Москве, так и повсюду, сотнями и тысячами продолжали получать жилье бесплатно, получают они его и сегодня, что антиконституционно и безнравственно. Бесплатным должно быть только служебное жилье, но ведь чиновники и его повсюду умудряются приватизировать! Наверное, существует тайный лозунг у чиновников: жилье – жулью! Свежайший анекдот о российских чиновниках: «До чего же страну довели! Еще чуть-чуть, и чиновникам придется воровать чуть меньше».

Однажды в Казани, в дни юбилея крупного татарского писателя Гарифа Ахунова состоялась встреча в узком кругу, где присутствовал М.Ш.Шаймиев, и сам юбиляр, Гариф-абы, представил меня президенту. В разгар застолья М.Ш.Шаймиев спросил меня – не хочу ли я поселиться в Казани? Я с радостью согласился и подумал: «Вот теперь сам президент знает о моей бездомности, и мой квартирный вопрос наконец-то решится!». Месяца через три мне позвонили из Казани и предложили купить квартиру в строящемся микрорайоне и назвали сумму, весьма внушительную, я отказался. По такой цене я мог бы купить квартиру и в Москве, причем на выбор, в любом районе столицы - что я и сделал при первой возможности. Иногда я шучу – В.Набоков прожил за свой счет в Монтрё в отеле «Монтрё Палас» 18 лет, а я в Переделкино - восемь.

Кстати, я несколько раз останавливался в «Монтрё Палас» с супругой Ириной, обедал в том же ресторане, даже сидел за тем же столом у окна, где обедал Набоков. Ходил по комнатам, в которых столько лет прожил большой русский писатель. Напротив отеля через дорогу разбит чудный сквер, и там стоит прекрасный памятник В.Набокову. Жаль, что российские туристы почти каждый год срывают очки с лица писателя, но там привыкли к варварству новых русских, и очки быстро возвращаются на место. На моем сайте есть фотографии и отеля, и памятника великому писателю, посмотрите при случае. Есть там и фотография малоизвестного памятника И.А.Бунину в Грассе, рядом с его виллой «Бельведер». Там же и

снимок, сделанный в Венеции на острове Сан-Микеле, где покоится, по его завещанию, Иосиф Бродский. Скромная неброская могила, не мешало бы нашим меценатам хотя бы на скромный бюст раскошелиться, кстати, у Бродского было много друзей - скульпторов... Ау, меценаты, где вы?

В 1994 году я неожиданно получил большое письмо из Уфы от Габдуллы-абы. Жаль, из-за моей бытовой неустроенности тех лет, письмо не сохранилось, можно было бы оттуда дать выдержки. В письме, в целом печальном, я то и дело находил несвойственный прежде Габдулле-абы юмор, иронию над собой, временем, обстоятельствами и даже несбывшимися мечтами. Удары судьбы, перемены он пытался осмыслить философски. Писал он, что с американской пенсией не получилось, наверное, оттого месяцами не выплачивают сильно урезанную советскую, хотя все вздорожало в тысячу раз. Конечно, те, кто пережил эти годы, помнит, как страна в мгновение превратилась в барахолку, закрылись фабрики и заводы, встало строительство, людей хоронили в мешках и картонных коробках. Писал он, что книги не печатают, газеты и журналы гонорары не выплачивают, никто писателями не интересуется, на встречи не приглашает, местные Дома творчества закрылись. Печаль, тоска, размытая на шести страницах, и в конце - длинный список моих знакомых писателей, ушедших из жизни за последние три года. Я чувствовал, как он мучается от того, что ничем не может повлиять на события в стране и вокруг себя. От отчаяния у него даже вырвалось: «А ведь раньше власть обращала внимание на пожелания трудящихся...». Сегодня, вспомнив эту строку из письма Габдуллы-абы, я отметил, как незаметно выпало из лексикона власти, газет, телевидения это понятие - трудящиеся. В конце его письма я почувствовал, как устал от новой жизни, новых порядков некогда жизнелюбивый Габдулла Байбурун. Он от природы был здоров, энергичен и всегда утверждал, что проживет сто лет, и никто в этом не сомневался. В Башкирии много долгожителей, мать Мустая Карима прожило сто четыре года. Но тут он признался - не дай бог мучиться до ста лет, потому что понял - прежнюю жизнь новые хозяева вряд ли когда-нибудь наладят. Но, если и наладят, то только для избранных - чиновников, банкиров, в этом списке Габдулле Байбуруну, ни как фронтовику, ни как известному писателю, места нет. Он понял наконец-то - кто пришел к власти. Напомнил он и о наших спорах у телевизора, писал, что он теперь и покритиковать новую власть не может, не имеет морального права - сам, считай, выбрал ее. Вот если бы я тогда поддерживал вашу позицию,- писал он, - мне сегодня душевно жилось бы легче, я мог хотя бы душу отвести, разоблачая этих казнокрадов и жуликов. Запомнилось надолго одно его откровение: «Сегодня, мне кажется, что если новая власть плюнула в душу таким, как ты один раз, то в мою душу они

плюнули трижды! Я ведь верил краснобаю Горбачеву, верил Ельцину, ведь обещал он лечь на рельсы, если жизнь в два-три года не наладится».

Нашел я для себя в письме и радостные, поднимающие дух строки. Башкирские писатели отличаются жестким характером и прямоотой, как потомки Салавата Юлаева, который выдержал 25 лет тяжелой царской каторги на каменоломнях и прожил еще немало лет, не раскаиваясь, что подставил свое богатырское плечо русскому бунтарю Емельяну Пугачёву. Однажды они пригласили к себе в Союз писателей руководство республики. На этой очень бурно прошедшей встрече один высокий чин вдруг ляпнул: «Вы говорите - писатели, писатели, без нас общество, как без пастыря. А я скажу вам, что сегодня не писатели делают погоду, нам нужны бизнесмены, предприниматели, банкиры». Не следовало чиновнику обнародовать вслух свои незрелые мысли, да еще среди обозленных нищетой писателей. Тогда поднялся на трибуну известный в народе сэсэн, сказитель Мухамматшах Бурангулов и дал достойную отповедь чиновнику. Свою речь он закончил под аплодисменты так: «Да, наверное, сегодня писатели погоды не делают, но не сомневайтесь - испортить ее могут всегда! Учтите там наверху!» Эти слова народного сказителя стали крылатыми не только в писательской среде, я слышал их в Татарстане, Узбекистане, Казахстане.

На письмо из Уфы я не ответил, о чем сожалею до сих пор. У меня самого наступили тяжёлые времена, ни кола - ни двора, и перспективы неясные. В 1994г. у меня случилась новая беда. Стали отказывать обе ноги - последствия перелома позвоночника после покушения. И мне снова пришлось вернуться к костылям. Мне все чаще и чаще советовали купить инвалидную коляску. Да и о чем я мог ему написать, чем обрадовать, чем обнадежить? Восхититься тем, что он прозрел и понял, кто пришел к власти? Да по-иному и быть не могло, для меня это стало понятно после первого года правления Горбачева. Грустно, что народ понял это поздно, когда потерял буквально все, и, к сожалению, навсегда. «Поздно пить «Боржом», когда почки отвалились» - мрачно шутили в мое время.

Конечно, и сегодня я жалею, что не ответил Габдулле-абы, ведь он рассчитывал на мое сочувствие и совет, а, может быть, ждал, что я подскажу - как лучше преодолеть это время, назову сроки, когда вернется нормальная жизнь. Но я не пророк, хотя после выхода «Черной знати» спецслужбы называли меня аналитиком, заглянувшим на десятилетия вперед. Обязательно надо было ответить и поддержать его, потому что он был тонкой душевной организации человек - поэт, верил всегда в лучшее, идеализировал жизнь, и это помогало ему жить. Он всегда нуждался в опеке, вспомните его друга Кенеса. Мне надо было сказать ему, что нужно

обязательно ориентироваться на жизнь до ста лет, в России надо жить долго, чтобы достичь чего-то или почувствовать перемены. Конечно, человек такой высокой культуры не мог прожить долго в ельцинско-горбачевской России, унижительная жизнь была ему в тягость, он задыхался от такой свободы. Хотя, слава Аллаху, вопрос о куске хлеба не стоял, и жилье у него имелось статусное, он его заслужил, как фронтовик, орденоседец. Как прозаик, драматург, поэт он внес заметный вклад в родную культуру – а это дорогого стоит. Такой вклад не внесут любимые властью бизнесмены, депутаты, банкиры, чиновники. Я однажды написал М.Шаймиеву – у вас чиновников тьмы и тьмы, а писателей, кого знают и читают – единицы.

Габдулла Байбуурин умер неожиданно, как и его однополчанин Кенес, не исчерпав отведенный ему природой срок. Умер, как Александр Блок, Мустай Карим, Муса Гали, Зульфат, Мударис Аглямов – умер от невозможности жить в атмосфере фальшивой и лживой свободы, когда черное выдается за белое, когда в красном углу за столом оказываются не аксакалы и поэты, а мошенники и казнокрады, откровенные предатели и вредители, проститутки и бандиты. И настали дни, когда народ стал бояться не врага, а свою власть, свою администрацию, свою полицию, свои суды, своих депутатов. Поэты не смогли жить в обществе, где все меряется деньгами. Они не могли изменить ни себя, ни жизнь вокруг, и не хотели приспособливаться ко лжи, и потому ушли, не попрощавшись, не желая никому причинять хлопот, а лживые посмертные почести от власти им были не нужны. Пусть земля будет вам пухом, все честные люди, кто ушел до срока, не найдя правды и справедливости на родной земле. Извините, Габдулла-абы, что не ответил на ваше письмо, чувствую и я свою вину за ваш преждевременный уход.

На давней встрече писателей с читателями, которые очень часто проводились в советское время, меня однажды спросили – открылись ли вам какие-нибудь тайны, которые волновали вас с детства? Я, конечно, ответил на вопрос этой юной читательницы, но не особо вдаваясь в подробности. Слишком уж щепетильной оказалась тема, а точнее, она больно касалась моей личной жизни. К этому вопросу я мысленно возвращался не раз в последние 35 лет жизни, и каждый раз ответ обрастал подробностями, деталями, неожиданными воспоминаниями, очень печальными для меня, особенно в детстве, юности. Вопрос о гибели моего отца возник через месяц после моего рождения, в далеком 1941 году и мучил меня первые 35 лет жизни, вплоть до марта 1975 года. Никто не знал ответа на этот вопрос, и я не мог его найти, хотя и искал его с матерью и сестрой, которая умерла в 1961 году, так и не узнав о судьбе отца, которая волновала ее, так же как и меня. Но я никогда

не смирялся, продолжал искать, был уверен, что ответ найдется. Но, как оказалось, я лишь тешил себя надеждой, я уже с детства понимал, что есть вопросы, на которые нет и никогда не будет ответа.

Я родился в первый год войны, и жизнь часто ставила передо мной тупиковые вопросы, всегда проверяла на прочность и выживаемость. Я рано, к счастью, вычитал из запрещенной в ту пору Библии, что Господь не дает креста не по силам, и честно нес свой крест постоянных испытаний. Строка из моего любимого Саади: «Есть ли яд, что не пробовал я» - это про меня.

С детства, с первых сознательных лет я знал, что мой отец погиб где-то далеко в России, под Москвой. Не помню, чтобы меня это сильно потрясло, потому что у всех соседских мальчишек и девчонок отцы тоже погибли на войне, словно снаряд попал прямо в наш татарско-казахский квартал в Мартуке, на западе Казахстана. Когда я пошел в первый класс, мне с сестрой почему-то отменили пенсию, и это для семьи с пятью детьми в безработном поселке оказалось настоящей катастрофой. Помню, отчим успокаивал мать – не горюй, разрешится, наверное, напутали что-то с бумагами, завтра пойду с тобой в собес. Ходили они туда десятки раз, но и там не знали, почему отменили выплаты. Сказали, что отправили в Москву запрос насчет нашей сиротской пенсии. Вот тогда на мой вопрос - почему, мать в слезах ответила – потому что твой отец не погиб, а пропал без вести. Я спросил, что значит - пропал без вести? Помню ее ответ и сегодня в свои 72 года: «Не понимаю, куда он мог пропасть, он ведь солдат, сам себе не хозяин», - и показала мне, как и в собесе, все шесть писем, что отец успел прислать с передовой. В последнем письме он радовался моему рождению. На всех письмах был четко указан номер воинской части и полевой почты. «Куда же мог подеваться твой отец?» - недоумевала мать.

Однажды во втором классе, прямо среди урока, пришла завуч школы с каким-то журналом и, прервав занятия, начала заполнять анкеты, спрашивая каждого про родителей – где работают, чем занимаются? Анкетирование шло быстро – матери у всех сплошь оказались домохозяйками, отцы – или погибли, или безработные, редко, кто имел работу. Запомнилось мне, как четко отвечали девочки и мальчики из ингушских и чеченских семей, сосланных в наш несчастный Мартук: «Погиб, защищая Брестскую крепость». У них у всех так было написано в похоронках. Лет через 25 после этого анкетирования, которое я никогда не забывал, я узнал, что в Брестскую крепость, действительно, за год до войны пришло на срочную службу большое пополнение из Чечено-Ингушской АССР. Вот эти-то хорошо обученные уроженцы Северного Кавказа, воины по природе, и приняли на себя первый удар врага. Защита Брестской крепости вошла в учебники, о ней написали прекрасные книги

Сергей Смирнов - «Брестская крепость» и Борис Васильев - «В списках не значился», о ней знают и у нас, и в Германии.

Первые большие потери немцы понесли именно в Бресте, крепость стояла насмерть – буквально, тут свершались первые подвиги наших солдат. Гитлер не мог понять, почему столько месяцев его войска не могут взять какую-то маленькую пограничную заставу – это тоже исторический факт. Оттого крошечный Брест, в числе первых в стране, был назван городом-Героем. И в этом несомненная заслуга солдат, офицеров ингушей и чеченцев. Давно следовало отдать должное не только городу, но и его главным героям. История, хоть и запоздало, все расставит по местам.

Интересен и факт, связанный с взятием крепости, эту историю я адресую сомневающимся в героизме ингушей и чеченцев при защите Бреста. Статья, о которой пойдет ниже речь, много лет назад была напечатана в Германии одним из генералов, штурмовавших Брестскую крепость. После долгих месяцев осады и громадных потерь, этот генерал все-таки вошел в крепость, лежавшую в руинах. По случаю взятия неприступной цитадели, чтобы поднять подорванный боевой дух своих солдат, немецкое командование устроило торжественное вручение наград на поспешно убранном плацу. Во время церемонии награждения высшими крестами за доблесть, генерал вдруг увидел, как выстроившиеся на плацу солдаты и офицеры с тревогой смотрят куда-то в сторону. Последние два месяца защитники крепости отстреливались из подвалов - застава, к моменту взятия, оказалась разбомблена с воздуха и земли до основания. Вот из этих-то подвалов к ним шел, пытаясь чеканить шаг, русский офицер с пистолетом в руке. Стало быстро понятно, что он слепой. Несколько немецких солдат бросились к нему, но их остановил окрик старого генерала. Оборванный, совершенно седой офицер, капитан, судя по ромбам, шел на плац – вот этот момент и сняли немецкие военные корреспонденты, и снимок стал известен во многих странах, в перестройку увидели его и мы. Капитан, ступив на плац, развернулся лицом к генералу, наверное, помнил, откуда раздался властный окрик. Вдруг он остановился, четко отдал честь, словно рапортовал Сталину, и тут же выстрелил себе в висок. Подбежавшие офицеры подняли пистолет, достали из кармана гимнастерки капитана документы и передали их генералу. Прежде чем продолжить награждение, генерал вслух зачитал труднопроизносимую фамилию ингушского офицера и отдал должное его героизму, а документы и пистолет, как редчайший военный трофей, оставил себе. Извините, я запомнил фамилию этого героя, кажется, Зелимханов, но фамилию и фотографию, сделанную в день падения Брестской крепости, можно найти в Интернете, или позвонив в представительство Ингушетии в Москве. Жаль, если дети капитана Зелимханова, как и я, не получали пенсию,

потому что этот геройский человек тоже, выходит, пропал без вести. Спасибо немецкому генералу за его благородный поступок, за то, что спустя тридцать лет, опубликовал воспоминания и фотографии из своего архива, обнародовал миру фамилию героя и вернул имя и честь родне, детям, народу. Уверен, что рано или поздно, генерал Юнус-бек Евкуров поставит памятник герою-земляку в Ингушетии. А немцы, по распоряжению генерала, похоронили русского офицера по рыцарской традиции с почестями, - и об этом упомянул старый генерал в своих мемуарах о войне.

Выходит, что и пропавшие без вести совершали подвиги, но разве мог я об этом догадываться в детстве?

Но вернемся в наш класс. Когда дошла очередь до меня, я ответил: «Мой отец погиб в 1941 году под Москвой, на Волоколамском шоссе». Завуч внимательно посмотрела на меня и сказала сухо: «Не сочиняйте, Мир-Хайдаров, ваш отец не погиб, он пропал без вести, именно под Москвой...», - и продолжила анкетирование. Мама уже девять месяцев не получала пенсию, и, значит, я уже девять месяцев знал об этом, но публичное сообщение перед всеми одноклассниками о моем отце, пропавшим без вести, подкосило меня словно пулей или накрыло снарядом - я жить не хотел. Три дня я не ходил в школу - стыдился. Из всего класса только у меня случилась такая беда, а у остальных, выходит, отцы погибли геройски. Из-за подлого сообщения завуча, о котором узнал весь Мартук, все мое детство оказалось испорченным навсегда. Это сообщение пулей застряло в моем сердце, и я с ней жил много лет. Я уже не говорю о личных переживаниях, о своих догадках, отнюдь не радужных, а, скорее, уничижающих моего отца. Беда моя усугублялась тем, что не только я, но и все мое поколение, даже в этом нежном возрасте, отличалось ответственностью. И вы сегодня, читатель, должны понимать с какой строгой меркой я подходил к гибели отца. Чтобы сравнить, о какой ответственности я говорю, приведу вам свежайший пример. Буквально на днях, в марте 2013 года, телевидение показало сюжет из Краснотурьинска на Урале. Там дюжина великовозрастных негодяев и негодяек от 18 до 26 лет полуголыми в мороз затеяли похабные пляски под американский шлягер «Гарлем-шейк» на мемориале в честь павших в афганской и чеченской войнах бойцов, в честь солдат-срочников, погибших в мирное время в горячих точках. Этот мемориал был возведен на личные средства ветеранов этих войн - не просто абстрактный памятник, а павшим краснотурьинцам, возможно, и даже родственникам этих паскудников. Как же оценило сей мерзкий поступок великовозрастных, подчеркиваю - великовозрастных, преступников государственное телевидение и местная прокуратура? И прокуратура и телевидение, словно сговорившись, посчитали глумление над памятью павших воинов неудачной шуткой, заявив,

что подростки (!!!) совершили необдуманный поступок. Сразу стали «отмазывать» их от суда. Какие «подростки»?! Скорее, недоросли! 26-летних мужиков, у которых уже есть дети, а девицы побывали замужем, представлять прокуратуре несмышленими подростками непрофессионально, а если называть вещи своими именами – преступно.

Пора следователям, прокуратуре и судам понять, что подростки – это десяти-двенадцатилетние дети. Здоровые уральские бугаи, пряча лица от камер (ведь наше «гуманное» законодательство позволяет педофилам, вора, убийцам прятать лица от камер в капюшонах и масках), отвернувшись к стене, невнятно не прощения просили, а говорили, что совершили необдуманный поступок. Если перед кем эти паскудники и должны извиняться, то только не перед дядями и тетями из прокуратуры и телевидения, а только перед ветеранами - теми, кто воздвиг памятник в честь своих однополчан, друзей и перед родственниками всех тех, чьей памяти был построен мемориал. А их формальное извинение только еще раз сыплет соль на раны тех, кого они оскорбили. Я не призываю к самосуду, но уверен, что только «афганцы» и «чеченцы» и родственники погибших, кому поставлен памятник, должны решать судьбу недоумков – судить или помиловать. Ведь подобные кощунства, оставшиеся без наказания, уже приняли широчайший размах. Только в 2013 году уже трижды в разных городах совершали оскорбительные для нашего народа гнусные преступления возле Вечного огня. Доколе будем терпеть, миндальничать?

В этих воспоминаниях о войне моим героям, уходившим на фронт – восемнадцать, а тем немногим молодым, вернувшимся с войны - по двадцать три года. Этим же оболдуям уже по двадцать шесть! А власть талдычит о каких-то «подростках», «неудачных шутках». По моему убеждению, такое прощать нельзя, никогда! Так разваливается государство, так унижаются герои и их подвиги, так глумятся над памятью павших. Такая простота – «неудачно пошутили» - хуже воровства, говорит народная пословица. Случай в Краснотурьинске затрагивает все общество, это плевок нам всем в лицо, в души. Что, утремся в очередной раз? Под суд их всех!

Вот почему я, девятилетний мальчик, страдал все свое детство - не из-за того, что меня лишили законной пенсии, а лишь из-за формулировки, как погиб мой отец. Ибо ответственность в нас вкладывалась с измала.

Известно, что дети очень жестоки, и редкие из них способны на милосердие, всю правду этих строк я испытал на себе. Каждый двоечник и второгодник, неряха и неумеха, из-за того, что я не дал ему списать, не подсказал на уроке или победил его в игре – мог сказать мне в отместку что-то обидное про моего отца. Наверное, надо признать, что я и сам в мыслях был жесток к отцу – оценивал

его гибель с юношеским максимализмом.

Однажды летом я собирал ежевику за Илеком, не очень приятное занятие – жара, ежевика колючая, огнем обжигает, от комарья и прочего гнуса ходишь весь в волдырях. Но эти три-четыре собранные банки я носил к московскому «скорому» и мои деньги, добытые у поездов, были подспорьем в семье. Едва я поднялся с ведерком от Чудного озера на тропинку, мне повстречался лесник Белей, строгий мужик, фронтовик. Мы, мальчишки, побаивались его. Дядя Белей, так - по фамилии, его в Мартуке все величали. Жил он недалеко от нас, и мама говорила, что он с моим отцом в одной теплушке на фронт отправился. Увидев меня, дядя Белей сказал, что обычно говорил ребятам: «Смотри, сынок, не балуй в лесу с огнем. Пожар всю красоту уничтожит, пропадет ваша ягода-малина и рыбалка, озера с карасями и линиями без леса быстро высохнут». Потом, словно что-то вспомнив, спрыгнул с лошади и, потрепав меня по давно не стриженной голове, заговорил со мной так, как еще не говорил никто. «Не горюй, Рауль, что вышла промашка с твоей пенсией, отчим у тебя с золотыми руками мужик, не пропадете. И не мучайся за отца - как погиб, где погиб. За Мирсаида ручаюсь, не грехи на него зря, война много тайн оставила. На войне всякое бывает, сам видел: прямое попадание бомбы, снаряда в траншею, в блиндаж – и от десятка человек никаких следов не остается, все сгорает в огне взрыва в тысячу градусов. Все разлетается в клочки на сотни метров, не приведи Господи. А то танк по окопу протопчется, за ним второй, третий, так живых солдат и закатает в землю, кто же их будет искать, раскапывать. Или в полной амуниции, с оружием, вещмешком, форсируют водную преграду - реку, озеро. Мало кто умеет плавать, а тут, оказывается - глубина, неожиданная яма, тонут и впереди, и сзади. Каждый спасается, как может, мечтает до берега дойти, а сверху летят снаряды, бомбы, с берега бьют пулеметы. Кто убит, кто просто утонул - кто их посчитает, все на дне. Вот такие бедолаги в пропавших без вести и числятся. Война, она жалости не знает, одним выстрелом убивает и в бою, и в тылу, настигает таких, как ты».

Пенсию однажды восстановили на полгода, но потом прекратили выплаты окончательно. В четырнадцать лет я поступил в техникум, вот тут я, конечно, снова пожалел, что ее отменили, ведь пенсия полагалась мне до восемнадцати лет. Трудно было учиться на одну стипендию, на помощь из Мартука рассчитывать не приходилось – дома осталась больная сестра и еще пятеро детей. Пережил и это. Но время лечит. Все проходит, как говорил мудрый Соломон. В девятнадцать лет я уже работал на железной дороге, на ответственной должности. Я один, как путеец, отвечал за безопасность всех переполненных людьми и грузами составов, идущих днем и ночью, на участке в 12 километров со всеми

переездами и искусственными сооружениями. Представить себе меня, пляшущего на памятнике, не могли даже мои недруги. Сестра не дождалась моего первого отпуска, умерла от туберкулеза в 21 год в январе 1961 года. Всего-то нужно было ей побыть в санатории в Крыму два-три месяца, да наладить питание, но нам до такой жизни еще было далеко.

Подводя итоги жизни, могу сказать, что лучшее время, выпавшее мне, тоже связано, как и у фронтовиков, с именем Л.И.Брежнева. При нем было построено почти все, чем мы пользуемся сейчас. При нем появились ВАЗ, КАМАЗ, БЕЛАЗ и т.д. При нем массовым стало телевидение, жилищное строительство, пятидневная рабочая неделя, люди стали ездить на курорты и даже за границу. В то время не было ни инфляции, ни дефолта, ни девальвации. Цены не менялись десятилетиями. Газ, свет, бензин, газеты, книги стоили копейки. При нем были разведаны крупнейшие газовые месторождения и построены мощнейшие газопроводы в Москву. При нем появилась гражданская авиация, связавшая страну. А главное достижение Л.И.Брежнева – подписание Хельсинского соглашения 1975г. о незыблемости послевоенных границ, давшего Европе мир на долгие годы.

Я переехал в Ташкент, стал работать в «Спецмонтаже», объехал страну вдоль и поперек, заочно получил высшее образование. Стал заядлым театралом, меломаном, футбольным болельщиком, знатоком кино. Дружил со многими творческими деятелями Ташкента, стал собирать живопись, которая за 50 лет сложилась в огромную коллекцию. Однажды, в тридцать лет, на спор с известным кинорежиссером, я написал за три дня рассказ «Полустанок Самсона», и он был сразу напечатан в московском альманахе «Родники» и записан на Всесоюзном радио. С радио у меня сложились прекрасные отношения, записаны почти все мои рассказы и повести, по романам шли радиопостановки. Радио – ему я обязан до конца жизни! Потерпите, я обязательно открою секрет. В 1975 году я был приглашен на съезд молодых писателей в Москве, он проходил под эгидой ЦК ВЛКСМ. В дни съезда, очень удачно сложившегося для меня, я жил в гостинице «Россия». На дворе стоял март, близилась очередная круглая дата нашей Победы, и на Всесоюзном радио уже второй месяц подряд шел цикл передач под названием «Салют Победы». Большинство участников съезда жили в гостинице «Орленок», и вдруг поздно вечером у меня в номере раздается звонок. Звонили ребята из казахской делегации, мои земляки, говорят:

– Сидим, отмечаем день рождения Оралхана Бокеева, а тут передача по радио, посвященная 30-летию Победы. Выступает какой-то полковник в отставке, командир танка, за четыре года он сменил одиннадцать танков. И вот полковник говорит: «Жаль, не

могу поименно вспомнить всех, кто погиб в этих одиннадцати танках, помню только первый состав, я его сам набирал после ускоренных лейтенантских курсов в Рязани, в декабре 1941 года под Москвой. Из первого танка, подбитого в декабре 1941г. на Волоколамском шоссе, спасся я один. Наш танк на скорости шел на таран, потому что кончились все боезаряды, но тяжелый «Тигр» успел выстрелить – прямое попадание в лоб, и танк наш развернуло, словно игрушечный, а тут и два других немецких танка успели разом выстрелить нам в бок. Я видел сам, как взорвался и горел наш танк, никто, кроме меня, не успел выскочить». Он назвал фамилии погибших, в том числе Мир-Хайдарова Мирсаида, он был водителем-механиком в этом танке, самым уязвимым в танке.

- Не твой ли родственник, фамилия у тебя редкая?

Я, не задумываясь, не поблагодарив от волнения, ответил:

- Это мой отец!

И в ту же секунду перед глазами у меня встал 1950-ый год, когда завуч засомневалась в гибели моего отца. Ровно через 25 лет я, наконец-то, получил ответ на мучивший меня все детство вопрос.

На другое утро, когда я собирался на семинар и на встречу с моими земляками-казахами, которых я хотел отблагодарить и помянуть вместе с ними отца, дежурная по этажу принесла телеграмму из Мартука. Мать писала: «Сынок, свяжись с радио, там, кажется, говорили о твоём отце. Ко мне несколько соседей прибежали с этой вестью. Обязательно заезжай к нам, если благая весть подтвердится».

Я позвонил в редакцию литературных передач, сообщил о своей радостной новости, и они обязались найти полковника-танкиста, выступавшего на радио. На другой день я уже имел телефон и домашний адрес полковника Гаврилова Юрия Николаевича.

В воскресенье с подарками, бутылкой армянского коньяка «Ахтамар», я направился к человеку, который воевал вместе с моим отцом, видел его гибель. Там меня ждали. Полковник показался мне очень старым, больным, ходил с палочкой, хотя ему в ту пору было всего 67 лет. У него была сильно обожжена правая часть лица. «И я горел трижды», - прокомментировал он свои ожоги, оказывается, и руки, и ноги тоже были обожжены. Принял он меня сердечно, отметил, что я выше отца ростом, заплакал вместе со мною, когда рассказывал о том, как заживо горели в первом танке его первые подчиненные.

Об отце Юрий Николаевич ничего не мог сказать, они были знакомы всего четыре дня, ни разу не успели поговорить, даже выпить. Я рассказал полковнику и о своей детской пенсии, и о завуче школы, и о том, как страдал все детство из-за того, что отец пропал без вести – он слушал меня, тихо плача. Я рассказывал ему это,

чтобы он понял, что означает для меня, матери и родных то, что он помнил, не забыл фамилию отца. Для меня Юрий Николаевич значил, как и тот немецкий генерал, вернувший семье Зелимхановых имя и честь их отца. Только теперь мы могли сделать поминки по отцу, объявить односельчанам, как погиб наш отец, тараня немецкий «Тигр». Я от души поблагодарил полковника, оставил наши адреса и распрощался с ним. Через год, когда я позвонил, чтобы поздравить его с очередным днем Победы, Юрия Николаевича уже не было в живых. Пусть земля вам будет пухом, дорогой мой полковник Гаврилов.

На радио пошли мне навстречу - дали копию той записи и разрешение для передачи на местном радио в Казахстане. Воспоминания Юрия Николаевича прошли на местном радио дважды, что очень обрадовало мою маму, наших родных, знавших отца людей.

Однажды в мой приезд к матери зашел к нам с бутылкой коньяка лесник Белей, уже дед Белей, крепко обнял меня и сказал, вытирая слезящиеся глаза: «Я же говорил тебе 25 лет назад, что ручаюсь за твоего отца, а он, оказывается, еще и героем пал, тараном на «Тигра» попер, - и добавил – Как же я тогда не догадался, что отец твой в танке воевал. Я ведь знал, что всех трактористов сразу в танкисты определяли».

В день моего приезда к матери со съезда молодых писателей с утра был забит жертвенный баран и, по мусульманскому обычаю, раздали его старым и немощным, и через 34 года после гибели отца в доме прошли поминки. Как радовались мама, отчим, мои братья и сестры, родные – не высказать!

Хочу закончить свои воспоминания о войне признанием о том что я, как и фронтовики: мой отчим, Мифтахутдинов Исмагиль, Мустай Карим, Заки Нури, Наби Даули, Муса Гали, Габдулла Байбурин, мой дядя Хисами Баязитов, теперь не смотрю фильмы о войне, потому что «моя война» затянулась гораздо дольше, чем у фронтовиков. Спасибо дорогому Юрию Николаевичу Гаврилову, что он в «моей войне» поставил победную точку.

Испания, Бенальмадена
Март 2013г.